

II. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

ЧАСТЬ I. СТАНОВЛЕНИЕ АДЫГСКОГО МИРА

Глава 1. Каменный век на территории Северо-Западного и Центрального Кавказа

По современным научным данным Кавказ является главнейшим центром расселения древнейших людей в Евразии. До недавнего времени считалось, что первичное заселение человеком Кавказа произошло не ранее 500–200 тыс. лет назад. В результате научных открытий последних двадцати лет в трактовку "изначальной" даты первого появления человека на Кавказе внесены существенные уточнения: исследование многослойной Азыхской пещеры в Азербайджане сперва отодвинуло эту дату почти на 1 млн. лет назад, а в 1991 г. совместная грузинско-немецкая экспедиция в ходе раскопки древней стоянки Дманиси (Южная Грузия) обнаружила нижнюю челюсть древнейшего человека, жившего здесь 1,7–1,6 млн. лет назад. По мнению специалистов, – это самое древнейшее свидетельство проникновения человека не только на Кавказ, но и во всей Евразии. Столь глубокой древности костные остатки Гомо эректуса, т.е. "человека прямоходящего", известны только в Африке, откуда, по мнению ученых, он проник на Кавказ через Восточную Анатолию (193, с.173-174; 192, с.5-13).

Что же касается Северного Кавказа, то и сюда древний человек появился еще в эпоху нижнего палеолита, о чем свидетельствовали архаичные каменные изделия, найденные в карьере Цимбал на Тамани и в урочище Игнатенков куток близ ст. Саратовской на р. Псекупс (бассейн Кубани). Но абсолютный возраст этих изолированных находок нередко оспаривался. Поэтому настоящей сенсацией явилось открытие в 1986 г. многослойной пещерной стоянки Треугольный грот. Геологический возраст наиболее древнего слоя пещеры определенно указывает на то, что первоначальное заселение Северного Кавказа произошло около 700–600 тыс. лет назад (193, с.174; 77, с. 27-28).

Однако освоение Северного Кавказа шло весьма неравномерно: оно в значительной степени зависело от природно-географических условий. Горообразовательный процесс, который начался 10 млн. лет назад продолжался до конца эпохи среднего палеолита. Он сопровождался вулканическими извержениями и периодическими колебаниями уровня

Черного и Каспийского морей, связанных с чередованием ледниковых и межледниковых эпох.

Во время оледенений резко сокращались территории, пригодные для жизни человека. Стоянки людей в эти периоды перемещались в районы предгорий. Поэтому более широкое расселение людей на Северном Кавказе происходило в периоды межледниковых потеплений. Последнее такое межледниковое потепление в эпоху раннего палеолита имело место около 130–80 тыс. лет назад. Многочисленные следы расселения людей этого времени на Северном Кавказе открыты в основном в Причерноморье и Прикубанье. В Прикубанье известно более 60 пунктов нижнепалеолитических местонахождений. Сосредоточены они главным образом по берегам таких рек, как Абин, Псекупс, Карта, Фортетьянка, Белая, Курджипис, Хаджох, Ходзь и т.д. На некоторых стоянках найдены сотни кремневых изделий. Крупнейшей стоянкой является Абадзехская, где собрано более 2500 экземпляров каменных орудий – рубила, скребла, отщепы и т.д. К востоку от Прикубанья подобные находки единичны и ограничиваются несколькими находками в Северной Осетии – Алании и Дагестане.

Более многочисленны памятники последующей т.н. мустьерской эпохи или среднего палеолита (80–35 тыс. лет назад). В настоящее время на Северном Кавказе известно более 70 среднепалеолитических местонахождений, включающих как стоянки пещерные и под открытым небом, стоянки-мастерские, так и отдельные находки. Большинство местонахождений совпадает с районами размещения раннепалеолитических памятников, но известная часть захватывает и новые районы от Карачаево-Черкесии до Дагестана. Они свидетельствуют о том, что, несмотря на весьма неустойчивый климат, происходит активное освоение людьми северокавказского края: расселяясь в климатически благоприятные периоды вдоль Кавказского хребта, они в то же время проникают в глубину гор. Наиболее обжитым районом в эту эпоху является горное Закубанье, где к настоящему времени хорошо исследованы пещерные стоянки Монашеская, Баракаевская, Мезмайская, Матузка и Гупский навес №1. В отложениях этих пещер найдены тысячи предметов каменных изделий (например, в Мезмайской – более 4500 экз., а в Баракаевской, являвшейся стоянкой-мастерской, – 21537 обитых кремней).

Древний человек в эту эпоху достиг значительных успехов в технике обработки камня, в совершенствовании способов добывания пищи. Он уже не только мог пользоваться огнем, но и научился добывать его различными способами. Для жилищ он исполь-

зовал не только пещеры, но и искусственные жилища. Произошли сдвиги в мышлении и мировоззрении человека – появились зачатки религиозных представлений и искусства. Глубокие перемены происходят и в физическом развитии самого человека. Эпоха среднего палеолита – это время существования людей нового типа – неандертальца. В ходе исследования Баракаевской пещеры были обнаружены фрагмент черепа, изолированные зубы и нижняя челюсть ребенка, а в Мезмайской пещере – погребение младенца в хорошей сохранности (192, с.83-98; 78, с.85-98). Эти антропологические находки, принадлежащие, по определению специалистов, неандертальцам, заполняют очень важный пробел в наших знаниях о древнейших обитателях Северного Кавказа в эпоху среднего палеолита.

Одним из самых интересных памятников Северного Кавказа эпохи среднего палеолита является также Ильская стоянка (на р. Иль в 40 км к югу от Краснодара), занимавшая площадь около 10 тыс. кв. м. Здесь были обнаружены многочисленные кости (3377) диких животных, принадлежавших 15 видам – мамонту, бизону, лошади и т.д. При раскопках стоянки собраны многие сотни изделий из камня (наконечники копий, дротики, ножи, скрёбла и т.д.). Материалом для изготовления орудий служили яшма, доломит, роговик и кремь. Ильская стоянка была долговременным поселением. Люди строили здесь жилища типа круглых шалашей. Занимались они собирательством и – главное – охотой. О масштабах охоты говорит количество убитых за время существования стоянки: одних только зубров не менее 2400.

Следы деятельности человека эпохи среднего палеолита обнаружены и на территории Кабардино-Балкарии. Отдельные скопления орудий труда, изготовленных из обсидиана (вулканического стекла), найдены в окрестностях сел. Заюково.

В эпоху позднего или верхнего палеолита (от 35 до 12–10 тыс. лет назад) начался новый период в истории человечества. Главной особенностью эпохи является завершение процесса становления человека, современного типа. Произошли коренные сдвиги и в технике обработки камня.

Крупные сдвиги в развитии производительных сил повлекли за собой не менее крупные изменения в общественной жизни. Происходит процесс превращения первобытного человеческого стада (праобщины) в родовую общественную организацию. Возникает родовой строй и его основная ячейка – род, родовая община.

Северный Кавказ в эпоху позднего палеолита был заселен неравномерно, что по-прежнему было связано с различными природно-климатическими условиями.

Наиболее густонаселенными, как и прежде, оставались районы Прикубанья, где сохранялись более благоприятные климатические условия. Здесь сосредоточено большинство памятников Северного Кавказа эпохи позднего палеолита. Наибольшую известность получили Каменноостская пещера, губские навесы № 1 и 7 (Сатанай), Русланова пещера, местонахождение Тугупс и др., где обнаружены многочисленный и разнообразный инвентарь. Например, коллекция кремневых изделий Каменноостской пещеры насчитывает 1600, а Губского навеса № 7 (Сатанай) – 15568 предметов, включая и уникальных для Кавказа 24 костяных орудия. Помимо орудия найдены и многочисленные кости животных. Судя по ним, на Северном Кавказе тогда обитали такие животные как бизоны, первобытные быки, дикие лошади, благородные олени и др. (11, с.22, 60-62, 73)

Характерно, что жители Сатанай были преимущественно охотниками на диких лошадях. По своему физическому облику жители навеса Сатанай были уже близки неантропам, т.е. человеку современного типа. Об этом свидетельствуют обнаруженные здесь остатки скелета мужчины зрелого возраста из разрушенного в древности погребения (11, с.78-80).

Ряд общих элементов, характерный набор орудий и техника их выделки указывают, что в позднем палеолите в Прикубанье продолжала существовать своеобразная губская культура, возникшая, по мнению некоторых ученых, еще в среднем палеолите и объединявшая такие памятники, как навес Сатанай и Русланова пещера. Губская культура по своему облику проявляет известное сходство с верхнепалеолитическими культурами Закавказья и Передней Азии.(13, с.92,99)

К востоку от Прикубанья местонахождение позднего палеолита известно лишь в отдельных пунктах (например, стоянка Явора в Карачаево-Черкесии). В Кабардино-Балкарии к концу палеолита относятся некоторые находки (призматические нуклеусы, отжимник, пластинки) на левом берегу Баксана, из пещерной стоянки грота Сосруко близ сел. Лашкуты.

Грот Сосруко многослойный памятник, основные материалы которого относятся уже к следующей эпохе каменного века – мезолиту или среднекаменному веку (X–VI тыс. лет до н.э.). Начало его было связано с исчезновением ледников, потеплением климата, вызвавшего изменения фауны и флоры. Растительный и животный мир приобрели облик, близкий к современному. Повсеместно исчезли наиболее крупные животные, являющиеся объектами коллективной охоты. Все это обусловило заметное изменение образа жизни

людей и характера их материальной культуры.

Переход к охоте на менее крупных животных потребовал расширения охотничьего промысла и способов добычи. Появилась потребность в усовершенствованном дальнебойном охотничьем оружии. Им стал прежде всего лук со стрелами, изобретенный, возможно, еще раньше – в позднем палеолите. Хорошим помощником в охоте становится собака, которая была приручена. Охота приобретает более индивидуальный характер. Собирательство становится более интенсивным.

В мезолите на Северо-Западном Кавказе продолжала развиваться губская культура. Некоторые материалы этой эпохи обнаружены в Карачаево-Черкесии (стоянка Явора), Северной Осетии (грот Шау-легет или Черный грот). Наиболее полное представление о мезолите дают пещерная стоянка грот Сосруко в Кабардино-Балкарии. Как показали раскопки, грот Сосруко заселялся неоднократно, начиная с конца палеолита. В мезолитических культурных слоях, вокруг кострищ найден выразительный инвентарь (ножевидные пластинки, скребла, резцы, наконечники дротика и различные вкладыши) из обсидиана, кремния и кости. На ведущую роль охоты в хозяйстве обитателей грота Сосруко указывают многочисленные кости диких животных: благородного оленя, кабана, серны, лисицы, зайца, барсука и др. О роли собирательства свидетельствует большое количество (более 2600 экз.) раковин съедобных улиток и составное костяное орудие, которое могло использоваться как жатвенный нож при сборе злаков (129, с.15; 348, с.15).

Сходные материалы из кремня и обсидиана были обнаружены также на правом берегу р. Баксан, напротив грота Сосруко (т. н. Алебастровый навес) и в гроте Кала-Тюбю на левом берегу р. Чегем, близ сел. Верхний Чегем. На этих же стоянках выявлены скопления раковин съедобных улиток.

За мезолитом в большинстве областей Азии и Европы следует неолит или новокаменный век (V–первая половина IV тыс. до н. э.).

Характерные особенности неолитического времени – это дальнейшее усовершенствование процесса изготовления орудий из камня. Человек повсеместно переходит от оббитых форм каменных орудий к шлифованным и полированным. Распространяются и такие новые приемы обработки камня, как пиление, сверление и заточка. Продвинулась вперед также техника обработки кости и рога. Все это позволило создать более совершенные и специализированные каменные и костяные орудия. Широко распространяются топоры, тесла, долота, сверла, терочники и песты.

Важным техническим достижением являлось изобретение керамики – лепка и обжиг глиняной посуды. Однако самым значительным достижением в неолите являлся постепенный переход от хозяйства собирателей и охотников к хозяйству земледельцев и скотоводов. Не случайно переход к производящему хозяйству принято называть "неолитической революцией".

На Северном Кавказе известны отдельные стоянки и случайные находки поздне-неолитической эпохи: Нововочепский I, Баракаевская (верхний слой) и Каменноостская (средний слой) пещеры в Адыгее, Овечка, под Черкесском (Карачаево-Черкесия), на р. Кенже, гроте Кала-Тюбю (Кабардино-Балкария). Например, раскопки в Каменноостской пещере показали, что неолит Северного Кавказа обогатился рядом новых приобретений – керамикой, двусторонней обработкой и шлифовкой каменных орудий. Но важнее всего было то, что в пещере наряду с костями диких животных (благородного оленя, косули, медведя и др.) – добычи охотников, обнаружены и кости домашних: быка, козы, овцы, свиньи – свидетельство развития скотоводства на Северо-Западном Кавказе.

Становление земледельческо-скотоводческого хозяйства в Центральном Предкавказье, судя по археологическим памятникам, осуществилось несколько позднее – во второй половине IV тысячелетия до н.э., т.е. в энеолите – переходном периоде от эпохи камня к медно-бронзовому веку.

Некоторое представление о характере культуры населения Центрального Кавказа позднего неолита и энеолита дает широко известное Агубековское поселение, открытое в 1923 г. на северо-западной окраине г. Нальчика. Его обитатели жили в турлучных жилищах – легких постройках из плетеных прутьев, обмазанных с обеих сторон глиной. Они пользовались многочисленными каменными орудиями, изготовленными из кремня, обсидиана и змеевика. Это скребки, ножи, наконечники стрел, крупные полированные топоры, песты, долота и т.д. Некоторые крупные терки могли использоваться в качестве зернотерок, а кремневые ножевидные пластины – как вкладыши составных серпов. Агубековцы уже умели изготавливать глиняную посуду. На поселении найдено более 1000 обломков горшков и чашек грубой лепки и слабого обжига. Особенный интерес представляет и глиняная женская статуэтка, обнаруженная на поселении. Такие статуэтки имели распространение среди древнейших земледельцев и символизировали богиню-мать, покровительницу урожая и плодородия (132, с.39; 220, с.73-74).

Довольно близким по времени Агубековскому поселению является и Нальчикский

могильник, располагавшийся на территории нынешней городской больницы. Здесь археологами в 1928, 1929–1930 гг. было раскопано 147 захоронений. Они свидетельствуют о том, что у населения края в эту эпоху упрочилась вера в загробную жизнь, в бессмертие души и уже существовал выработанный особый обряд захоронения умерших соплеменников. Покойников хоронили с подогнутыми ногами в позе спящего на боку (мужчин – на правом, женщин – на левом). Их тела обсыпались красной краской (охрой), игравшей роль очистительной силы огня и символизировавшей кровь. Вместе с покойником в могилу клали и его вещи с верой, что они понадобятся в потустороннем мире. Ассортимент таких вещей в погребениях Нальчикского могильника достаточно был разнообразен. Это орудия труда (топоры, скребки, проколки, ножевидные пластинки, терки) и оружие (наконечники стрел, навершия булав), изготовленные из различных пород камня, обсидиана и кости. Большую группу составляют украшения: каменные браслеты, подвески из морских раковин и зубов животных, (оленя, лисы, кошки, кабана), различные бусы из мрамора, пасты, сердолика и т.д. Некоторые из них, например, морские раковины, бусы из мрамора, пасты и сердолика, являются привозными и доставлены сюда из далеких областей Средиземноморья и Передней Азии, что говорит о тесных связях древнего населения нашего края. Самой же примечательной находкой в Нальчикском могильнике является небольшое медное колечко, обнаруженное в одном из погребений. Оно пока что единственное и древнейшее свидетельство столь раннего знакомства населения Северного Кавказа с металлом (132, с.42,43; 220, с.142).

Глава 2. Основные этапы исторического развития племен Северо-Западного и Центрального Кавказа в эпоху бронзы

С IV тыс. до н.э. на территории Закавказья и Северного Кавказа начинают входить в употребление металлические орудия из меди и бронзы. Развитию металлургии бронзы и других цветных металлов способствовали благоприятные природно-климатические условия, наличие богатых рудных залежей, а также оживленные связи с областями древневосточных цивилизаций, где освоение добычи меди произошло еще в VIII-VII тыс. до н.э. Переход к бронзовым орудиям явился мощным двигателем технического и социального прогресса и знаменовал наступление новой эры – бронзового века.

Майкопская культура. На ранней стадии бронзового века (конец IV – вторая половина III тыс. до н. Э.) на Северо-Западном Кавказе сложилась яркая и оригинальная ското-водческо-земледельческая культура, называемая майкопской. Свое название она получила от всемирно известного огромного (высота 10,6 м, диаметр 50 м) кургана, раскопанного в 1879 г. в Майкопе археологом Н. И. Веселовским. Основание курганной насыпи было окружено каменным кольцом – кромлехом. В его центре находилась огромная могильная яма, стенки которой были обшиты деревом. В яме, разделенной деревянными перегородками на три части, были погребены племенной вождь и насильственно умерщвленные две его наложницы или жены. Они лежали в скорченном положении на боку, густо посыпанные красной краской (суриком). Погребение вождя находилось в более просторной южной камере могильной ямы в сопровождении массы различных вещей. По своему богатству, художественной и исторической ценности найденных здесь вещей Майкопскому кургану нет равного среди памятников раннебронзовой эпохи Европы, за исключением Греции. Останки могущественного вождя были усыпаны золотыми бляшками в виде львов (68 штук), быков (19 штук), золотыми кольцами (38 штук), а также множеством разнообразных золотых, серебрянных, сердоликовых и бирюзовых бус. Эти украшения скорее всего были нашиты на полог или покрывало, которым был накрыт покойник. На покойнике был надет высокий головной убор, украшенный золотыми лентами-диадемами с розетками. Вдоль стены могильной ямы были расставлены 17 сосудов: 2 золотых, 1 каменный с золотой крышкой и 14 серебрянных. Особенно интересны два серебрянных сосуда, украшенные чеканными рисунками. На поверхности одного из них показана сцена идущих друг за другом животных: двух баранов, быка и двух барсов, кроме того, помещены еще три птицы. Довольно сложный рисунок сделан и на поверхности второго сосуда. Это целая панорама горного ландшафта с двумя высокими двуглавыми вершинами, весьма напоминающими Кавказский хребет с Казбеком и Эльбрусом. С гор берут начало две реки, сливающиеся ко дну сосуда в озеро. Древний мастер частично изобразил и фауну: медведя, лошадь, льва, быков, тура, кабана, водоплавающих птиц. Интересны также 8 серебрянных стержней или трубок длиной 1,17 м. На четырех из них были насажены массивные золотые и серебрянные фигурки быков. По мнению ученых, они либо поддерживали роскошный балдахин над прахом вождя, либо представляли собой штандарты или культовые предметы (206, с.103; 345, с.33-39).

Помимо роскошных вещей, в могиле также находились глиняные сосуды, кремневые

наконечники стрел, медные топоры, долота, тесла и кинжалы. При женских погребениях обнаружено множество бус из золота и сердолика, золотые массивные кольца, а также медная посуда: котлы, чаша, кувшин, ведро. ***Всего же в Майкопском кургане было найдено 1523 предмета.***

Со времени раскопок Большого Майкопского кургана, ставшего эталонным памятником культурной принадлежности памятников раннебронзовой эпохи почти всего Северного Кавказа, прошло более 120 лет. С тех пор идут споры относительно ее истоков, этнокультурной атрибуции и хронологических рамок существования самой культуры. В ходе непрекращающихся до сих пор дискуссий было выяснено, что эта культура сформировалась и развивалась на местной основе. Вместе с тем была доказана и существенная роль в ее истоках влияние переднеазиатских цивилизаций, выразившихся в конкретном проникновении на Северный Кавказ определенных групп переднеазиатского населения, принесших с собой некоторые достижения древневосточных цивилизаций. Предполагается, что ими могли быть либо шумеры или хурриты, либо хатты Малой Азии (220, с.409), язык которых обнаруживает генетическое родство с современной ветвью северокавказских языков – абхазо-адыгской (109, с.10-13; 120, с.26 -29). Однако столь высокая оценка археологами значения переднеазиатского влияния на формирование феномена майкопской культуры может указывать и на более глубинные процессы, чем предполагаемое миграционное движение с юга на север. В этой связи нельзя игнорировать высказываемое мнение относительно того, что "первоначальная связь... майкопской культуры с Передней Азией была прямой, тесной и поддерживалась блоком родственных культур" и что "Северный Кавказ в этот период можно рассматривать как северную периферию древневосточной цивилизации (308, с.18-26).

До недавнего времени в развитии самой майкопской культуры обычно выделяли два этапа – ранний (2500–2400 гг. до н.э.) и поздний (2300–2100 гг. до н.э.). В настоящее время четко определилась тенденция к пересмотру данной датировки в сторону удревнения майкопской культуры и отнесения времени ее существования к концу IV или рубежа IV–III – середине III тыс. до н.э.

Если на раннем этапе, соответствующем времени Большого Майкопского кургана, эта культура охватывала только районы Прикубанья, то на позднем – майкопские племена расселились широко и распространили свою культуру на значительную территорию: от Таманского полуострова на западе, до Дагестана на востоке. На всей этой территории от-

крыто большое количество поселений и подкурганных захоронений племен Майкопской культуры. Помимо Большого Майкопского кургана, это поселения Мешоко, Скала, Хаджох, Ясеново Поляна, Свободное, каменная гробница у ст. Новосвободное в Закубанье, Усть-Джегутинские курганы в Карачаево-Черкесии, Долинское и Нальчикское поселения и курганы у сел. Чегем I и II, Кишпек, Шалушка, Старый Урух, Верхний Акбаш в Кабардино-Балкарии и курганы у сел. Бамут в Чечне. Среди памятников восточной группы майкопской культуры особенный интерес представляет Нальчикская подкурганная (высота кургана около 10 м, диаметр 100 м) гробница, сооруженная из 24-х вертикально поставленных туфовых плит (348). Несколько иной по конструкции была гробница под курганом у сел. Кишпек, составленная из тщательно обтесанных и подогнанных друг к другу массивных прямоугольных туфовых плит, каждая весом не менее 1,5–2 т. (346, с.200-231). Не менее интересны и другие большие курганы, содержавшие гробницы, сооруженные из огромного количества булыжных камней и перекрытые деревянным настилом. Строительство таких погребальных памятников требовало участие многих людей в течение долгого времени. Специалистами подсчитано, что "для сооружения древнего кургана диаметром 110 м и высотой 3,5 м требовалось 40 тыс. человеко-дней (например, работы 500 человек в течение 80 дней) (128). Наряду с указанными гробницами, содержащими богатые захоронения племенных вождей и жрецов, раскопано огромное количество курганов и рядовых общинников.

Материалы поселений и погребений характеризуют хозяйство, общественное устройство, внешние связи и идеологические верования майкопских племен.

Майкопские племена жили на долговременных поселениях, расположенных преимущественно на труднодоступных мысах плато или на высоких речных террасах. Некоторые из них имели укрепления. Например, поселение Мешоко в Адыгее было укреплено мощной оборонительной стеной, протяженностью 150 м и шириной 4 м. Жилища представляли собой легкие каркасные или турлучные постройки, обмазанные глиной. Они имели прямоугольную форму площадью 12×4 м, как на поселении в Ясеновой Поляне на берегу р. Фарс.

Основное значение в хозяйстве племен майкопской культуры имело животноводство, причем в раннее время преобладало свиноводство, не совместимое с ведением кочевого хозяйства. На втором месте стоял крупный рогатый скот, а затем мелкий. Лошадь уже использовалась для верховой езды. Наряду со скотоводством было развито и земледелие,

но в хозяйстве оно имело второстепенное значение. У майкопских племен высокого уровня развития достигло гончарное дело. Для изготовления высококачественной керамики они пользовались гончарным кругом, появившимся у них под переднеазиатским влиянием (220, с.329, 373-375). Больших успехов достигли они и в производстве тканей. Остатки шерстяных и холщовых одежд были обнаружены в гробницах у ст. Новослободской и в Мешоко, а обрывки льняной ткани – в Нальчикской гробнице. Важнейшим достижением майкопских племен были цветная металлургия и металлообработка. Было налажено и производство изделий из драгоценных металлов, главным образом из золота. Об этом свидетельствует разнообразие бронзовых изделий (котлы, топоры, крюки, кинжалы, шилья к т.д.) и украшений из золота (бусы, кольца, иглы, подвески и т.д.), часто обнаруживаемых в майкопских памятниках. Своей продукцией они снабжали древнее население сопредельных областей Восточной Европы.

Религиозные представления майкопских племен были уже довольно сложными. Наряду с более древними верованиями у них наблюдаются и новые, что нашло отражение в погребальном обряде. Широкое распространение получили культы небесных светил. Каменные кольца – кромлехи вокруг оснований курганов символизируют солнечный круг, а весьма оригинальные булыжные выкладки в виде полумесяца или ладьи в некоторых курганах (например, в Кишпеке) имеют непосредственное отношение к культу луны или небесной ладьи (346, с.231). По-прежнему на поселениях встречаются глиняные статуэтки женщин, связанные с земледельческими культурами плодородия. Статуэтки быков, выполненные из золота, серебра (Майкопский курган, Старомышастовский клад) и глины (Нальчикское поселение) играли также особую роль в культовых церемониях, имевших целью обеспечить сохранность и увеличение поголовья скота. Особенно была развита вера в загробную жизнь и поклонение предкам, что нашло отражение в погребальном обряде майкопских племен.

Считается, что создатели майкопской культуры жили развитым патриархально-общинным строем. Вместе с тем нельзя не отметить и тот факт, что впервые на Северном Кавказе в столь раннее время отмечаются и черты, характерные т.н. "военной демократии". В этой связи необходимо указать, что отдельные ученые склонны рассматривать такие курганы как Большой Майкопский и Нальчикская гробница погребениями вождей нескольких племенных объединений (206, с. 102-112). Первоначально экономической основой установления полного господства мужчины в хозяйственной и общественной жизни

майкопских племен являлись скотоводство и металлургическое производство, значительно поднявшие значение мужского труда. Их развитие обеспечило накопление богатств у отдельных общин.

В первую очередь такое богатство составляли стада. В условиях столкновения между усиливающимися общинами в некоторых местах понадобились создание укреплений вокруг поселений, как это было, например, в Мешоко. Постепенно выделилась родоплеменная верхушка, стремящаяся увеличить свои богатства. Погребальные памятники свидетельствуют о далеко зашедшем процессе распада родового строя и имущественного расслоения в майкопском обществе. Большая пропасть лежит между захоронениями рядовых общинников и племенных вождей. Богатство последних составляли не только стада, но, как можно судить по Майкопскому кургану, Новосвободненской, Нальчикской и Кишпекской гробницам, а также Старомышастовскому кладу (2500 золотых и серебряных бусин, серебряный сосуд, фигурка быка из серебра и т.д.) и предметы роскоши. Многие из них либо были доставлены сюда из стран Древнего Востока, либо получены в ходе грабительских войн, возвысивших вождей-военачальников. В Майкопском обществе уже существовало рабство в простейшей форме (т.н. патриархальное или домашнее рабство).

Процессу распада первобытнообщинных отношений способствовали давние и активные связи майкопских племен с древними цивилизациями Востока, под влиянием которых складывалась их культура. Более того, отдельные ученые склонны считать, что в эпоху развития майкопской культуры Северный Кавказ имел культурную общность с древневосточной цивилизацией, являясь ее северной периферией (308, с.18-26). Племена Майкопской культуры поддерживали тесные связи и с древним населением соседних областей. На территории Чечни и Ингушетии, являющихся юго-восточным рубежом распространения майкопской культуры, она не только соприкасалась, но и смешивалась с куроаракской культурой. Майкопские племена имели двусторонние связи и со степным населением – носителями ямной культуры: степняки проникали в предгорья Северного Кавказа, а кавказцы – в степи Предкавказья и Нижнего Подонья. Но особенно активными на раннем этапе были взаимоотношения майкопских племен со своими юго-западными соседями – *строителями дольменов*.

Дольменная культура. Дольмены (от кельтских слов: *tol* – стол, *men* – камень, "каменный стол") – монументальные погребальные сооружения в виде каменных домиков с плоской или двускатной крышей, сложенные из тесанных массивных плит или высечен-

ные в скальном массиве. Длина их иногда доходит до 4 м, высота – до 2,5 м, составляющие плиты весят несколько, а иногда до двух десятков тонн.

В передней стенке дольменов имеется входное отверстие в виде круглого или прямоугольного проема размером до 40 см. Через него помещали покойника в камеру, затем оно закрывалось каменной пробкой. Лишь наиболее древние дольмены не имели подобных отверстий.

Дольменная культура занимала значительную территорию – от Таманского полуострова до города Очамчиры в Абхазии. На этой территории протяженностью 480 км и шириной от 35 до 75 км в настоящее время известно более 190 местонахождений, где сосредоточено свыше 2300 дольменов (204;205). Вдали от этих основных массивов дольмены возводились и в верховьях р. Кубань (Карачаево-Черкесия), и в районе Железноводска (сохранились фотографии 1902 г.). Дольмены располагались преимущественно большими группами, образуя целые родовые кладбища. В частности, на Богатырской поляне у ст. Новосвободной в конце XIX в. возвышалось 360 дольменов, а в бассейне р. Кизинка близ ст. Баговской – 564. Вытянутые правильными рядами, они напоминают улицы маленькой деревни. Не случайно адыги (шапсуги) называли дольмены *йыспуын*, *спуын* – дома "испов-карликов" [об испах см. раздел Фольклор]; абхазы *адамра* – "древние могильные дома."; казаки после заселения края в результате Кавказской войны – "богатырскими хатками".

Сложившись на Западном Кавказе к 2400 г. до н.э. дольменная культура просуществовала на протяжении целого тысячелетия – примерно до 1400–1300 гг. до н.э. За этот период времени погребальный ритуал строителем дольменов менялся. Ранние дольмены предназначались в основном для индивидуальных захоронений, реже – двух, трех покойников, положенных скорченно и густо засыпанных красной охрой. Это были захоронения родоплеменных вождей. Таковы дольмены у ст. Новосвободной, в бассейне рр. Кизинки и Фарса. Позже, в эпоху расцвета дольменной культуры (1-я половина II тыс. до н.э.) широко распространяются обычаи хоронить умерших в "сидячем" положении и т.н. способ "вторичных погребений", когда в дольмен вносили только кости уже после разложения. В этот период охру для засыпки умерших употребляли мало.

Дольмены содержали богатый материал, дающий представление о художественном вкусе, строительном мастерстве их создателей, об умении использовать металл, кость, глину и камень в быту. В дольменах и на отдельных поселениях обнаружены многочис-

ленные орудия труда, предметы вооружения и украшения: бронзовые и каменные топоры нескольких разновидностей, бронзовые клиновидные тесла, с помощью которых обрабатывались плиты, ножи-кинжалы, булавы, бронзовые крюки для вынимания мяса из котлов — подобные находкам в майкопских курганах, а также височные подвески, кольца, бусы и т.д. Довольно часты находки разнообразной глиняной посуды.

Строители дольменов занимались скотоводством (разводили в основном крупный рогатый скот и свиней), земледелием (на поселениях найдены вкладыши для серпов и мотыгообразные орудия) и охотой, а жители приморской части — еще и рыболовством. Они хорошо знали свойства камня. Созданные их руками дольменные сооружения являются произведениями, обладающими всеми элементами настоящей архитектуры.

Считается, что в самих дольменах воплощены те культовые и религиозные представления, которые могли быть связаны с их земледельческо-скотоводческим бытом. Плотная закрытая каменной пробкой дольменная постройка представляла собой вместилище умерших предков, которые магически должны были влиять на будущий достаток и плодородие. Этим же целям служили орнаментальные мотивы (зигзаги и круги), изредка встречающиеся на дольменах. Чашеобразные углубления и желобки на дольменах указывают на совершение жертвоприношений и возлияний. Известно, например, что адыги (шапсуги) еще в XIX в. приносили к дольменам жертвоприношения, жертвенную пищу.

Культуру дольменов обычно связывают с древнейшим абхазо-адыгским этносом. Но считается, что традиция строительства дольменов была занесена на Кавказ извне в результате далеких морских связей. Среди дольменов Евразии наиболее близкие западно-кавказским известны в странах Средиземноморского побережья, особенно на Пиренейском полуострове (Португалия, Испания). Здесь дольмены сооружались еще в IV тыс. до н.э. далекими предками современных басков, язык и культура которых довольно близки кавказским народам особенно абхазо-адыгским. Поэтому предполагается, что в далеком прошлом древние предки басков и абхазо-адыгов могли иметь тесные контакты. (204;205) С появлением в Прикубанье, строители дольменов оказались тесно связанными с племенами майкопской культуры, которые находились в пору своего расцвета. Результатом такого взаимодействия и взаимовлияния стало появление памятников смешанного типа, сочетающих в себе признаки двух культур — майкопской и дольменной (дольмены у ст. Новосвободной, Нальчикская и Кишпекская гробница и т.д.). Более того, со временем строителям дольменов удалось оттеснить майкопцев за пределы Прикубанья на восток, хотя и

сами они частично слились с ними.

"Северокавказская" культура эпохи средней бронзы. В конце III тыс. до н.э. в истории северокавказских племен происходят важные изменения. Ослабли связи со странами Переднеазиатской цивилизации и прекратился приток импортных вещей. Одновременно усиливается общение с менее развитыми степными племенами, активно проникавшими в Предкавказье. Все это привело к угасанию яркой майкопской культуры и переформлению характера материальной культуры. В период средней бронзы (II тыс. до н. э.) на территории, где ранее бытовала майкопская культура, развивались две культуры – дольменная и т. н. "северо-кавказская".

В настоящее время для обозначения круга памятников эпохи средней бронзы археологами употребляется более расширительный термин "северокавказская культурно-историческая общность", выделяя внутри ее ряд родственных культур.

"Северокавказская" культура генетически была связана с майкопской и занимала обширную территорию. На западе ее граница соприкасалась с зоной распространения дольменной культуры Прикубанья, а на востоке подходила к предгорьям Дагестана. Поселения и погребальные памятники этой культуры в значительном количестве открыты в различных местах бассейна р. Кубани (у аулов Хатажукаевского и Уляп, станиц Воздвиженской, Андрюковской, Ново-Лабинской, Суворовской, у г. Усть-Джегута, поселение Гамова балка на р. Куве и в Кабардино-Балкарии (с. Этоко, Каменномостское, Камлюко, Малка, Заюково, Чегем I и II, Шалушка, Былым, Кашхатау, Верхний Акбаш, около г. Нальчик и т.д.) Подкурганские захоронения в основном характерны для степных и предгорных районов, а грунтовые могильники – для горных районов. Весьма разнообразны и погребальные сооружения: простые ямы, каменные ящики, гробницы. Покойников, как и прежде, хоронили в скорченном положении, на правом или левом боку. Вместе с тем впервые широко распространяются погребения, в которых умершие уложены в вытянутом положении на спине.

Наиболее отличительной чертой материальной культуры этого времени являются изящно выгнутые боевые и ритуальные топоры и крупные булавы, изготовленные из твердых пород камня (змеевика, диорита), бронзовые тесловидные топоры, листовидные ножи, разнообразные по формам глиняные сосуды, а также украшения – всевозможные бронзовые подвески, пронизи, бусы и булавки с разными навершиями. Все эти предметы зачастую украшались пышной орнаментацией в виде елочек, оттиска шнура, спирали,

змеек и т.д.

В основе хозяйства северокавказских племен эпохи средней бронзы по-прежнему лежали скотоводство и земледелие. Скотоводство в то время уже носило отгонный характер. Стада состояли из мелкого и крупного рогатого скота, а также лошадей. Земледелие было мотыжное, выращивали пшеницу и ячмень. Урожай убирали составными серпами с кремневыми вкладышами. Лишь в конце эпохи бронзы широкое распространение получили бронзовые серпы, которые встречались еще в предыдущей эпохе. Огромную роль в хозяйстве играла добыча и обработка цветных металлов. Исключительное богатство металлических изделий свидетельствует, в частности, о превращении Центрального Кавказа в крупнейший очаг металлопроизводства, снабжавшего своей продукцией отдаленные области Восточной Европы. Бронзовые орудия труда, оружие и украшения отливались в двухсторонних литейных формах (такие формы обнаружены у селений Зилги и Былым), а затем дополнительно проковывали и затачивали. Мастерство отделки, богатство орнамента говорит о большом опыте древних металлургов нашего края.

Носители "северокавказской" культуры поддерживали оживленные связи со строителями дольменов, племенами Закавказья и Дагестана. Особенно активны были и контакты со степняками – носителями т.н. "катакомбной культуры". Об их проникновении в среду местного населения свидетельствуют погребальные памятники, открытые во многих местах, например, у г. Усть-Джегута, хут. Холоднородниковского, ст. Суворовская (КЧР) и у г. Майского, у сел. Кишпек, Былым и Нижний Черек (КБР). Через них получили широкое распространение определенные формы глиняной посуды, например, курильницы и такие элементы орнамента, как оттиск шнура и т.д.

Эпоха средней бронзы – время упрочения патриархальных отношений. Но по сравнению с эпохой ранней бронзы процесс социально-экономического развития местного общества несколько затормозился. По материалам археологических памятников, племена "северокавказской" культуры предстают менее дифференцированными в социальном и имущественном отношениях. На последнем этапе развития "северокавказской" культуры внутри ее создаются предпосылки для возникновения *прикубанской* и *кобанской культур*.

Племена Центрального и Северо-Западного Кавказа в эпоху поздней бронзы

Кобанская культура. В конце эпохи бронзы в горной и предгорной части Цен-

трального Кавказа на территории от современной Чечни до верховьев Кубани возникла и получила развитие новая культура исконно кавказского населения – кобанская. Свое название она получила от осетинского селения Кобан, где в 1869 г. был открыт первый могильник этой культуры. Возникнув в XII в. до н.э. на базе предшествующих культур, кобанская культура просуществовала в целом до IV в. до н.э. а в горных районах с различными видоизменениями – даже до III в. н.э. включительно. В своем развитии она прошла три последовательных этапа: XII–X вв. до н.э. – формирование и становление основных признаков культуры; IX–VII вв. до н.э. – расцвет культуры и середина VII–IV вв. до н.э. – переформление культуры под влиянием культур скифо-савроматского круга (163)

Древнекобанские племена, занимавшие такую большую территорию, в разных ее частях несколько отличались друг от друга своими верованиями, предметами быта и украшениями, что позволило археологам выделить три больших локальных варианта: центральный, западный и восточный. В этих локальных вариантах культуры усматриваются особенности этнографического порядка, за которыми могли скрываться либо отдельные племена, либо племенные объединения со своими этноязыковыми различиями. По мнению некоторых ученых, если кобанские племена западного или Пятигорского локального варианта (от р. Баксан до л.б.р. Урупа и Пятигорья) могли говорить на одном из наречий, близких к протоадыгскому, то восточная их часть – вплоть до Чечни – в языковом отношении могла быть связана с протовайнахским (349, с.54-56) Другие же склонны связать "кобанцев" только с абхазо-адыгским этноязыковым кругом (63, с.64) Но этим не исчерпывается значение кобанской культуры. Ее носители впоследствии явились субстратной основой, которая в ходе длительных активных связей, взаимодействия и интеграции с ираноязычными (скифами, сарматами и аланами) и тюркоязычными (болгарами и половцами) племенами вошла в состав формирующихся осетинского и балкаро-карачаевского народов в качестве важного компонента их этногенеза. Постулируемое в последние годы мнение об изначальной принадлежности носителей кобанской культуры индорайцам тенденциозно, лишено убедительной аргументации (302; 301, с.4-19)

В настоящее время известно около 400 памятников кобанской культуры в более чем 100 пунктах – только в ареале западного локального варианта более 200 поселений могильников и кладов (160, с.252-281)

Для племен, создавших кобанскую культуру, была характерна прочная оседлость, причем не только в высокогорных и предгорных районах, но и на прилегающих к ним

пространствах. Поселения свои кобанцы устраивали по долинам рек на высоких плато. Они не были укреплены, но закладывались в таких пунктах, где в случае опасности сама местность успешно могла служить целям защиты от нападения. Вблизи поселений располагались родовые кладбища-могильники. Древние поселения и могильники в значительном количестве открыты в Карачаево-Черкесии (Уллубаганалы на Эшкаконе, Терезе, Исправная, Инжичукун, Тамгацик, Дружба), Ставропольском крае (Грушевское, Белореченский, Березовский, Кисловодский, Пятигорский, Минераловодческий) и Кабардино-Балкарии (Былым, Хабаз, Кичмалка, Каменномостское, Зольское, Заюково, Баксан и т.д.).

Кобанцы хоронили своих умерших по-разному: в простых ямах, стенки которых иногда обкладывались булыжным камнем или же в просторных массивных каменных ящиках. Умершего хоронили в скорченном положении на боку. С ним, как правило, помещались предметы повседневного быта: разнообразная глиняная и металлическая посуда, орудия труда и оружие (бронзовые топоры, кинжалы, наконечники копий), принадлежности конской узда и многочисленные украшения (булавки, бусы, привески и т.д.).

Судя по многочисленным памятникам, ведущее место в хозяйстве племен кобанской культуры занимало скотоводство. Преобладала отгонная форма животноводства, при которой скот большую часть года находился на подножном корму.

Практиковавшаяся с середины II тысячелетия до н.в. отгонная система животноводства спустя несколько веков способствовала зарождению и развитию еще одной отрасли – коневодства. Об этом свидетельствуют многочисленные бронзовые фигурки лошадей и разнообразные предметы конской сбруи, обнаруженные в могильниках начала I тысячелетия до н.э.

Наряду со скотоводством важное значение имело и *земледелие*. Правда, наибольшее развитие оно получило в равнинных районах, где для этого имелись все благоприятные условия: климатические и земельные угодья. Здесь возделывались такие культуры как ячмень, просо и пшеница. Сдвиги в развитии земледелия произошли в конце II – начале I тысячелетия до н.э. с появлением литых бронзовых серпов, сменившие менее производительные деревянные серпы с кремневыми вкладышами.

Появление металлических серпов скорее всего было связано с переходом от мотыжного земледелия к плужному. Это был резкий скачок в земледелии, поскольку плуг уже позволял значительно облегчить обработку больших площадей земли, что обеспечивало увеличение объема урожая. Изменение условий земледелия в свою очередь привело к усо-

вершенствованию и количественному росту орудий жатвы и переработки зерна. Поэтому не случайно, что помимо металлических серпов, в этот период на поселениях резко увеличивается численность зернотерок, даже появляются первые небольшие зерновые ямы – зернохранилища.

В горных районах также использовались передовые для того времени методы земледелия. Но из-за неблагоприятных климатических условий, а главное недостаточности удобных для вспашек земельных участков, здесь земледелие имело меньшее значение в хозяйстве, чем скотоводство.

По археологическим материалам прослеживаются и промыслы, которые развивали кобанцы. В гончарном деле они достигли значительных успехов. Горшки, миски, кружки и другие глиняные сосуды, часто находимые при раскопках, хотя и лепились от руки, отличались четкими пропорциями и совершенством форм. Они обжигались в горнах или специальных ямах. Многие сосуды имеют блестящую, отличного качества поверхность и часто украшены орнаментом в виде глубоких врезанных линий, образующих различные геометрические фигуры. Все это указывает на существование в рамках домашнего производства уже высококлассных мастеров гончарного дела. Тем самым была подготовлена почва для освоения кобанцами гончарного круга, который появился у них, судя по последним археологическим раскопкам, в VII–VI вв. до н.э. Гончарный круг позволил резко увеличить качество и количество изготавливаемых сосудов, что давало возможность выработать продукцию не только для потребностей своего рода, но и для обмена.

Так из домашнего промысла гончарное дело постепенно превратилось в ремесленное производство.

В ремесленном деле широко использовалось все сырье, получаемое от животноводства: шерсть шла на вязание, на ткани, из которой шли одежду, кожа – на обувь, пояса и т.д. Обрывки ткани и кожи, хотя и редко, но встречаются при раскопках. Но зато находки глиняных пряслиц повсеместны и многочисленны. Значит, прядение и ткачество развивались у населения всего края.

Наиболее выдающихся успехов кобанцы достигли в области металлургии и обработки металлов. Обилие на Кавказе вполне доступных рудных месторождений создавало предпосылки для мощного развития металлургического производства. Поэтому не случайно, что Кавказ в I тыс. до н.э. стал одним из крупнейших очагов металлообработки и металлопроизводства в Европе. Об этом свидетельствуют не только тысячи бронзовых

вещей, обнаруженных при раскопках кобанских могильников, но и следы древних шахт и мастерских, а также клады мастеров-литейщиков. Известны они в верховьях р. Кубани (Марухе, Дауте), Тырнаузе, в верховьях Малки, близ селений Былым, Хабаз, Бедык, Кызбурун III и Жемтала. Многочисленные орудия труда и быта, оружие и украшения из бронзы изготавливались в специальных мастерских, где работали искусные мастера-литейщики. Одна из таких мастерских была обнаружена на горе Алмалы-Кая в районе с. Былым, где найдены полуфабрикаты и готовые бронзовые изделия, главным образом, украшения (височные кольца, булавки и др.). Наиболее ярким примером высокой техники металлообработки являются клады бронзовых изделий, принадлежавшие отдельным мастерам-литейщикам. Иногда такие клады содержат десятки бронзовых предметов (например, Верхнетебердинский клад состоял из 30 топоров, 17 серпов и литейных форм), выполненных с высочайшим мастерством.

Таковы бронзовые сосуды и топоры в Жемталинском, украшения в Былымском кладах. Нельзя не сказать и о Тырнаузском кладе, который состоял только из одних бронзовых слитков весом до нескольких десятков килограммов. Эти бронзовые слитки представляли большую ценность не только как запасы сырья для литейщика, но, вероятно, и как товар для обмена.

Образцы бронзовых изделий – продукты кобанского металлопроизводства убеждают в том, что древние мастера знали различные способы отливки бронзовых предметов по твердым и восковым моделям. Большое распространение получило украшение изделий гравировкой уже после отливки: на поверхность вещей наносились сложные геометрические фигуры и изображения животных, что требовало совершенных навыков и большого опыта. Применялась и техника инкрустации, когда вещи украшались различными вставками из кости, дерева, стекловидной массы и т.д. Кобанцы также знали ковку листовой бронзы и способ чеканки. Высокоразвитая металлургия бронзы, обеспечивавшая не только собственные потребности, но и возможность обмена, была той экономической базой, на основе которой на протяжении нескольких веков осуществлялись широкие культурные связи кобанцев Центрального Кавказа со странами Передней Азии и Европы. Результатом таких связей являются находки изделий кобанских мастеров в Карпато-Дунайском бассейне, Центральной Европе, а также появление в памятниках кобанской культуры импортных вещей из этих же областей.

Прикубанская культура. Важную роль в поддержании регулярных связей Се-

верного Кавказа с Восточной Европой играли племена Северо-Западного Кавказа, занимавшие особое промежуточное положение. Через них в горные районы Центрального и Северо-Восточного Кавказа попадали центрально- и восточноевропейские изделия. В свою очередь, через Прикубанье распространялись далеко на запад, в Нижнее Подонье и в Поволжье предметы кобанской культуры (бронзовые сосуды, топоры, украшения и т.д.).

У населения Северо-Западного Кавказа в конце эпохи бронзы отмечено существование особого *прикубанского очага металлургии и металлообработки*, основанного на местном производстве цветных металлов и развивавшийся в тесном контакте с раннекобанской культурой на западе. Прикубанский очаг был выделен известным археологом А. А. Иессеном в основном по многочисленным находкам и кладам бронзовых вещей (топоры, серпы, тесла, секиры, наконечники копий и др.) из Пицунды. Сочи, Туапсе, Новосвободной, Майкопа, Упорной, Удобной, Бекешевской и т.д.). Этот очаг рассматривался в целом как локальное производственное объединение, внутри которого выделяются три территориальные группы: *верхнекубанская* (зона сильного смешения прикубанской и кобанской культур), *западная* (бассейн среднего течения Кубани - рр. Белая, Большая и Малая Лаба, Фарс и др.), получившая название "*прикубанской культуры*" и *черноморская* группа (зона между Сочи и Бзыбью – приграничный район со смежной колхидской культурой). В развитии прикубанского очага, в совокупности охватывавшего, по мнению А. А. Иессена, промежуток времени с XII – XI по VII вв. до н.э., были намечены три этапа, при этом позднейший синхронизировался с группой древнейших памятников скифского типа (121, с.75-124)

В связи с накоплением фонда источников в последние годы хронологическая схема А. А. Иессена была значительно скорректирована: вместо трех этапов развития прикубанского очага металлургии предложена двухчленная периодизация, причем наиболее ранняя группа значительно удревняется и приурочивается к XV – XII вв. до н.э., а поздняя – к XII – X вв. до н. э. Что же касается выделенной А. А. Иессеном третьей – поздней хронологической группы прикубанского очага (кстати, к рамкам которой до недавнего времени относили и протомеотские памятники), то она не только удревняется, но и вычленяется из прикубанского очага хронологически, относя ее к так называемой *протомеотской культуре*.(53, с.96-97)

Правомерность подобного подхода к уточнению хронологических рамок прикубанской культуры уже давно напрашивался хотя бы тем, что между эпохой финальной брон-

зы (рубеж II–I тыс. до н.в.) и датой сложения культуры меотов наблюдалась определенная хронологическая лакуна, приводившая исследователей к определенным казусам при этнокультурной атрибуции памятников эпохи поздней бронзы и раннего железа на Северо-Западном Кавказе. Ныне же эта лакуна постепенно заполняется в результате исследования поселений Красногвардейское I и II (верхний слой) на л.б.р. Кубани и Гуамская Скала в Адыгее, а также Михайловского курганного могильника в бассейне р. Лабы (353, с.93-95; 189, с.81-83).

Особенно важное значение имеет Красногвардейское поселение I и II, демонстрирующее стабильное существование от средней бронзы и дающее материалы перехода к местной протомеотской культуре, эволюция которой происходила не только в русле динамики собственного развития, но и под определенным импульсом не только колхидской и кобанской, но и степных культур Прикубанья – кобяковской и позднесрубной.

Несмотря на эти уточнения, незыблемым в блестящей работе А. А. Иессена осталось его положение относительно этнокультурной атрибуции носителей прикубанского очага металлургии, которые, по мнению исследователя, генетически связаны с позднейшим адыго-черкесским этносом. Помимо керамического производства и скотоводства, прослеживаемого по раскопкам первых поселений, создатели прикубанского очага металлургии уже широко практиковали плужное земледелие. Как уже отмечалось в археологической литературе, индикатором перехода к пашенному земледелию не обязательно должны быть археологически зафиксированные детали пахотных орудий. Сопоставление археологических и этнографических данных позволяет говорить об определенной исторической закономерности – одним из показателей знакомства тех или иных племен с пашенным земледелием могут быть и массовые находки металлических серпов, характерные лишь для земледелия с применением упряжных пахотных орудий: появление орудий жатвы с более высоким коэффициентом производительности труда – одно из проявлений совершенствования технологии обработки земли (167, с.313; 164, с.35-41).

Широкое производство и применение бронзовых серпов племенами Северо-Западного Кавказа отмечается с конца II тыс. до н.э. В частности, в свое время А. А. Иессеном были проанализированы более 105 экз. серпов, сугубо прикубанское происхождение и производство которых местным населением не вызывало у него сомнения. Недавние находки (около 50 экз.) серпов в урочище Нарат-Эшик на берегу р. Маруха (КЧР) подтверждают выводы исследователя и позволяют внести коррективы и в функциональном

назначении этого вида орудия, часть из которых "использовалась при "ударной" косовице трав или колосовых, как современная ручная коса" (236, с.27-28) Адыгское названия плуга (пхъэлэщэ/пхъэлэшъэ – "деревянное орудие/оружие") и серпа (гъуыпчъ/гъубжэ – гъу "металл" + пчэ, пчи "копье, пика" относятся к древнейшему пласту культурной лексики адыгов. Все это указывает несостоятельность утверждения некоторых исследователей, что начало плужного земледелия на Северном Кавказе относится к более позднему периоду и связано с кочевниками (?) – скифами (144. с.8; 145, с.16)

Глава 3. Кочевники Предкавказья в эпоху раннего железа

На рубеже II–I тыс. до н.э. начинается новый период в истории Северного Кавказа. Он был связан с освоением нового металла – железа. Первоначально из-за сложности и недостаточности технических навыков железо ценилось очень дорого и применялось чаще всего лишь для орнаментации (техника инкрустации) в качестве украшения. Бронзовые топоры и поясные пряжки, инкрустированные железом, появляются на Северном Кавказе с конца II – начала I тысячелетия до н.э., что свидетельствует о раннем знакомстве местных металлургов с железом. Однако прошло еще триста с лишним лет, прежде чем наступила эпоха, когда бронза уже не могла соперничать с железом и была, вытеснена им как некогда сама вытеснила камень и медь из обихода.

Начало непрерывного развития железной металлургии на территории Северного Кавказа относится к VIII в. до н.э., когда оружие и орудия труда стали делать не только из бронзы, но и из железа. В это время железные предметы не только повторяют форму бронзовых вещей, но нередко один и тот же предмет изготовлен из двух металлов – бронзы и железа. Процесс замены бронзовых вещей железными лучше всего прослеживается на примере оружия. В древних кобанских и протомеотских погребениях VIII – VII вв. до н. э. найдены мечи с железным клинком и бронзовой рукоятью. Такие составные мечи и кинжалы обнаружены в большом количестве по всему Северному Кавказу.

В течение VII – IV вв. до н.э. железо становится основным материалом для изготовления орудий труда и оружия. Правда, бронзовые изделия к в этот период по-прежнему продолжают встречаться. Но в соперничестве с железом бронза уже отошла на второй план и теперь из нее, кроме наконечников, стрел и редких образцов защитных доспехов,

изготавливают только предметы одежды (пряжки, пояса, бляхи), украшения (браслеты, перстни, гривны, височные кольца) и части конского убора.

Наступление железного века совпало с важным событием, сыгравшим огромную роль в истории Старого Света. Оно было связано с возникновением кочевого скотоводства у пастушеских племен, обитавших в степях Евразии от Монголии на востоке до Дуная на западе. Этот процесс начался еще в эпоху бронзы, но получил огромное развитие в начале I тыс. до н.э., когда степная полоса Евразии, включая Предкавказье, стала заполняться кочевьями разноязычных скотоводческих племен, остро нуждающихся в продукциях оседло-земледельческих племен, что стимулировало обмен, развитие контактов, изменение общественных отношений. Племена кобанской и прикубанской культур, жившие в предгорно-плоскостной части, гораздо раньше оказались втянутыми в тесные, а порой и сложные взаимоотношения с первыми кочевниками степей, следовательно, их историческое развитие пошло более ускоренными темпами.

Киммерийцы. В начале I тыс. до н.э. на арену всемирной истории выходят ранее неизвестные народы. Одним из первых, чье имя дошло до нас, были киммерийцы, жившие в степях Северного Причерноморья с середины бронзового века. К концу своей истории киммерийцы, как и другие народы степей, перешли к кочевому скотоводству. Одно из первых определенных упоминаний о киммерийцах содержится в трудах "отца истории", Геродота, жившего в V в. до н.э. Он пишет, что за два-три столетия до него, т.е. около VIII–VII вв. до н.э. или, быть может, несколько ранее, в степных районах Черного и Азовского морей господствовали киммерийцы (13, с.21,22).

Область кочевий киммерийцев распространялись и на степи Предкавказья, где они соседствовали с племенами прикубанской и кобанской культур.

Много географических названий, связанных с киммерийцами, сохранило нам и Закавказье, но они относятся к последнему периоду их истории и отражают походы киммерийцев на Урарту и Ассирию. В VIII в. до н.э. киммерийцы упоминаются в ассирийских клинописных текстах под именем *народа гимери, гиммираи, гамер, кимеры*.

Все это говорит о том, что киммерийцы обладали исключительной подвижностью. Их отряды, состоявшие из конных стрелков, неоднократно угрожали государствам Древнего Востока (Урарту, Ассирии, Фригии, Лидии), были грозной и разрушительной силой. Маршруты их походов пролегали вдоль восточного побережья Черного моря и через горные перевалы Центрального Кавказа (Крестовый и Мамисонский). Предполагается, что в

этих походах принимали участие как союзники и некоторые племена Северо-Западного Кавказа, так и кобанцы.

Киммерийцы внушали ужас древневосточным рабовладельческим государствам и беспокоили их своими набегами до тех пор, пока сами не были разбиты и вытеснены из степи другими, не менее воинственными племенами – скифами.

Памятники киммерийцев – это многочисленные погребения в курганах и отдельные находки X – середины VII в. до н.э. Характерными для киммерийской культуры являются бронзовые плоские топоры, топоры со втулкой (так называемые кельты), бронзовые короткие мечи с перехватом у стержня, втульчатые бронзовые копья, первые бронзовые удила, медная и бронзовая клепаная посуда, ряд бронзовых украшений. Именно у киммерийцев появляются первые железные кинжалы и мечи с бронзовыми рукоятками (так называемые биметаллические мечи и кинжалы).

Подобные предметы в большом количестве найдены и на Северо-Западном Кавказе. Например, бронзовые топоры-кельты обнаружены под г. Сочи, у станиц Келермесской и Урупской, в г. Майкопе и т.д.

Вещи киммерийского происхождения известны и в древних могильниках Кабардино-Балкарии, Пятигорья. Так, бронзовые кельты, копья, кинжалы киммерийского типа найдены в Курпе, Заюково, Пятигорске, у станиц Бекешевской и Боргустанской.

Среди находок киммерийской культуры на Северном Кавказе особое место занимают биметаллические мечи или кинжалы, а также принадлежности конской сбруи: бронзовые удила и псалии. Они обнаруживаются по Кубани, в Кабардино-Пятигорье и в других местах. В ряде могильников (например, Николаевский, Кубанский – в Прикубанье, Каменноостровский – в Кабардино-Балкарии) их так много, что некоторые ученые полагают будто бы эти могильники принадлежат собственно киммерийцам. В последнее время число находок предметов киммерийского облика значительно увеличилось. Они обнаружены в Баксане, Алтуде, Кызбуруне III, Герменчике, Герпегеже и Пришибо-Малкинске.

Все это свидетельствует о том, что Прикубанье и Кабардино-Балкария находились в числе исходных пунктов, откуда киммерийцы совершали походы в Закавказье и Малую Азию. Они проникали в среду местных племен, оказывая влияние на их культуру. Одновременно киммерийцы использовали их производственные центры и сами воспринимали культурные достижения местных племен. Если местные племена заимствовали у киммерийцев некоторые предметы конской упряжи, типы лука, стрел, кинжалов, мечей, то, напри-

мер, киммерийцы переняли у кобанцев бронзовые топоры, бронзовую посуду и некоторые формы лепных лощеных сосудов с богатой резной орнаментацией.

То, что киммерийцы проникали и, возможно, даже смешивались с местными племенами нашего края подтверждается еще одним видом памятников. Это надгробные камни-обелиски или стелы, которые устанавливались только над могилами знатных киммерийцев. Они обнаружены в Армавире, Уст-Лабинске, Зубовском, Кызбуруне I, Кубе и окрестностях Малки. Если учесть, что в Северном Причерноморье – в центральной части территории расселения киммерийцев от Болгарии до Поволжья таких надгробий до сих пор обнаружено не более десятка, то наши стелы составляют значительную часть киммерийских надгробных памятников.

Эти стелы изготовлены из твердых пород камня и в большинстве случаев тщательно отделаны. Они представляют собой условное изображение вооруженного до зубов воина. Например, на поверхности стелы из Кызбуруна I рельефно или резными линиями нанесены изображения двенадцати различных предметов: особый тип головного убора, серьги, пышное ожерелье или гривна, широкий пояс, к которому привязаны нож и точильный брусок. Слева на этом поясе висят короткий кинжал в ножнах, длинный меч и лук в чехле. Справа изображены сумочка и небольшая секира – скипетр, который в древности являлся символом власти. Такие памятники в древности не ставили простым воинам. Видимо, эти надгробные памятники были установлены в честь племенных вождей. Стелы относятся к VIII-VII вв. до н.э., то есть ко времени, когда киммерийцы под давлением новых кочевников-скифов вплотную придвинулись к предгорьям Северного Кавказа.

К сожалению, достаточных сведений о языке киммерийцев мы не имеем. Поэтому существовали многочисленные догадки по поводу того, каким народам они были родственны. Отдельные ученые и до сих пор считают киммерийцев отдаленными предками адыгов(352, с.81 и сл.). Например, они связывают с именем киммерийцев название адыгейского племени темиргоевцев (камер – клемгуй, кемиргой – темиргой). Исходя только лишь из характера имен киммерийских вождей или царей, упоминаемых в древних источниках (Теушпа, Тугдамме, Лигдамис или Шандакшатра), большинство ученых определяют их как ираноязычное племя, родственное скифам.

Впрочем, в последние годы вновь разгорелась острая дискуссия по вопросу этнолингвистической принадлежности киммерийцев вплоть до отождествления их с ранними скифами или оспаривания их историчности как этноса. Как бы не решался этот вопрос,

нельзя игнорировать тот факт, что вплоть до недавнего времени у некоторых народов Кавказа (например, у грузин и осетин) было известно слово "гмири", "гимир", "гумир", "кимер" со значением "герой, богатырь, великан". От них же было заимствовано и древнерусское слово "коумирь" – "кумир, идол" (352, с.78-81). Как видно, у кавказских народов имя киммерийцев в свое время скорее всего вызывало восхищение, а не вражду.

Скифы. В конце VIII – начале VII в. до н.э. господствующее положение в Предкавказских степях, а затем в Северном Причерноморье заняли пришедшие из Азии скифы, которые разгромили живших здесь киммерийцев.

Сами себя скифы называли "скелетами", а персы именовали их "сакам". Значение названий этого народа не установлено до сих пор и существует много предположений. Скифы делились на несколько больших племен, названия которых нам сообщил Геродот, посетивший Скифию: "царские скифы", "скифы-кочевники", "скифы-пахари", "скифы-земледельцы" и др. (13, с.22). Однако по Геродоту не всегда ясно, составляли ли все собственно скифские племена единое целое в отношении языка или были какие-то различия между ними.

Относительно того, на каком же языке говорили скифы, горячие споры начались еще в XIX в. Ученые высказывали самые различные мнения. Некоторые, например, полагали, что скифы принадлежали к тюркским или монгольским народам. Однако прошло немало времени, прежде чем усилиями многих зарубежных и отечественных ученых было установлено, что скифы говорили на языке, близком к иранскому. В настоящее время это положение считается убедительно доказанным, хотя имеются и редкие попытки возродить некоторые безнадежно устаревшие взгляды ученых прошлого столетия.

Ранняя история скифов связана с военными походами в страны Передней Азии. На протяжении всего VII в. до н.э. крупные отряды скифов отправлялись на юг в поисках добычи и военной славы и частично возвращались обратно в предкавказские степи. Именно здесь – в степных районах Прикубанья, Ставрополя и Кабардино-Балкарии – находился центр Скифии в период переднеазиатских походов и вскоре после их завершения. В этих районах сосредоточены наиболее ранние скифские курганные захоронения VII-VI вв. до н.э., тогда как памятников этого периода в северо-причерноморских степях очень мало. Лишь во второй половине VI в. до н.э. начинается перемещение центра Скифии на запад, в Северное Причерноморье, где впоследствии складывается скифская государственность с признаками рабовладельческого строя.

Но нельзя сказать, что они полностью покинули Северный Кавказ. Какая-то часть их оставалась здесь и в V и, возможно, в IV в. до н.э., поскольку некоторые скифские курганы и могильники датируются этими веками.

Скифы оставили в Кабардино-Балкарии целый ряд замечательных памятников. Целые курганные группы, где захоронены скифские воины и их военачальники раскопаны у селений Заюково, Чегем I, Шалушка Вольный Аул и у г. Нальчика. Наиболее яркими памятниками скифов здесь являются два курганных могильника VII – V вв. до н.э. у с. Нартан, открытые и раскопанные в последние годы археологами Кабардино-Балкарии.

Они принадлежат конной дружине скифов и их вождям, которые захоронены в больших квадратных ямах (иногда 7x7 м), где дополнительно были сооружены деревянные срубы сложных конструкций. Во время похорон, по обычаю скифов, эти деревянные срубы поджигались, что приводило к обожению погребенных, коней и находившихся в могиле вещей. Вместе с умершим или убитым в бою знатным воином захоронены его слуга или рабыня (иногда и жена), а также до пяти взнузданных коней, преданных смерти специально для этой цели. Этот жестокий обычай свидетельствует о далеко зашедшем имущественном и социальном неравенстве и наличии у скифов признаков раннеклассовых отношений еще в VII-VI вв. до н.э.

В нартанских могильниках, как и в других курганах Предкавказья, помимо посуды и украшений, найдены три группы вещей, характерных для скифской культуры и составляющих так называемую "скифскую триаду". Прежде всего, это предметы вооружения, причем первое место занимают стрелы, наконечники которых отлиты из бронзы. В некоторых нартанских курганах число стрел в колчанах достигало до 50-95, а иногда и 190 штук. Древние авторы знали скифов как конных стрелков из лука. И недаром поэт Овидий (43 г. до н.э.–17 г. н.э.) писал, что сила скифов "*в стреле, в полном колчане и быстром, не знаящем устали коне*". Кроме стрел обнаружены также длинные копья с тяжелым железным втульчатым наконечником, секиры, короткие мечи (*акинаки* – греческое название скифских мечей), остатки чешуйчатых панцирей, состоящих из бронзовых или железных пластинок.

Вторая группа вещей – это принадлежности конской сбруи. Сюда входят удила, и различные бляхи, украшающие уздечку, а также псалий – специальные приспособления различных форм, прикреплявшиеся к концам удили и способствовавшие строгому управлению конем. Они изготовлялись, из кости, бронзы и железа.

И, наконец, третья группа вещей этой "скифской триады" – предметы, выполненные в так называемом скифском "зверином стиле".

Особенностью звериного стиля является изображение зверей и животных чаще всего в движении с подчеркиванием их силы. Скифы очень любили украшать оружие и предметы быта изображениями оленей, пантер, орлов и фантастических грифонов. По их представлениям, эти изображения должны были ограждать от беды. Кроме того, считалось, что они помогают воину в его ратном деле. Изображения скачущего оленя, фигуры орлов, грифонов и клюва хищной птицы должны были сообщать воинам быстроту, силу и ловкость. Изображение на рукояти или навершии меча когтя или глаза орла, по представлениям скифских воинов, придавали меткость и силу удару.

Поэтому неудивительно, что в скифских курганах Предкавказья так много предметов, выполненных в зверином стиле. Это различные подвески и бляхи, мечи, навершия которых оформлены в виде головы хищной птицы – орла или грифона. Даже на некоторых глиняных сосудах имеются изображения скачущих оленей.

Звериный стиль был распространен в искусстве не только собственно скифов, но и на обширной территории степей, у ряда различных народов – от Дуная до Алтая. Поэтому он чаще всего называется скифо-сибирским звериным стилем. И в каждом районе этот стиль имел свои особенности, свой вариант. Особую область составлял и Северный Кавказ, где в искусстве кобанских племен еще с конца II тысячелетия до н.э. встречаются изображения барана, оленя, быка, но главным образом домашних животных, именно такая традиция способствовала быстрому усвоению кобанцами элементов скифского звериного стиля и его переработки на свой манер, что породило новое направление в этом виде искусства.

В VI-IV вв. до н.э. культура скифов Предкавказья претерпевает определенные изменения. Во-первых, это было связано усилением проникновения в их среду родственных им кочевников – савроматов из Нижнего Поволжья и Приуралья. Во-вторых, длительное совместное проживание скифов с кобанскими племенами предгорий и равнин способствовало смешению и взаимообогащению их культур. Это хорошо прослеживается на материалах кобанских и скифских могильников. Например, если в наиболее ранних (VII–VI вв. до н.э.) нартанских курганах почти нет вещей кобанской культуры, за исключением глиняной и металлической посуды, то в более в более поздних (VI – IV вв. до н.э.) число их значительно возрастает.

В то же время типично скифские предметы (оружие, детали конской узды и украшения звериного стиля) получают широкое распространение по всему краю – вплоть до высокогорных районов. Однако наиболее сильному скифскому влиянию подверглись кобанцы, проживавшие в предгорно-плоскостной зоне. Это влияние сказалось не только в области материальной культуры, но даже и в погребальном обряде кобанских племен. В таких кобанских могильниках, как Советский (ныне Кашхатау), Нижнечегемский, Заюковский и Каменноостский, помимо многочисленных вещей скифо-савроматского типа, выявлены некоторые погребения, где захоронения произведены по скифо-савроматским обычаям. Все это свидетельствует, что скифы и савроматы не только проникали в среду местных племен, но и оседали, смешиваясь с ними, в результате чего культура местных племен приобретает так называемый "скифоидный" характер. Более того, по мнению ряда ученых, скифы оказались способными распространить свой язык среди плоскостных кобанцев Центрального Предкавказья. Этим было положено начало так называемой языковой "иранизации" центрально-предкавказских племен.

Савроматы и сарматы. Процесс языковой "иранизации" местных племен Центрального Предкавказья значительно усилился с проникновением новых групп кочевников. Это были сарматы, предки которых в VII-IV вв. до н.э. проживали на территории между Доном и Уралом. Они были известны древним авторам первоначально под именем "*савроматы*". Еще в скифское время они стали проникать в предкавказские степи, включая и территорию нашего края. Савроматы были очень близки по культуре скифам и говорили, как пишет Геродот, "на скифском языке, но издревле искаженном" (13, с.30), то есть савроматский язык можно рассматривать как один из диалектов скифского.

Характерной чертой общественного устройства савроматов на раннем этапе их истории было особое положение женщины, что дало повод грекам называть их "женоуправляемыми". Древние авторы передавали многочисленные легенды о воинственных амазонках, от которых якобы произошли сарматы. Савроматские женщины наравне с мужчинами владели оружием, участвовали в войнах и, как сообщают источники, они не имели права выходить замуж, пока не убьют хотя бы одного врага. В погребениях савроматских женщин часто встречаются оружие и конская сбруя.

В IV в. до н.э. на исконной родине савроматов – в Южном Приуралье – сложился новый могущественный союз во главе с племенем аорсов. С III в. до н.э. несколькими объединениями они устремились на запад. Сперва они разбили родственных им савроматов и

отбросили их к Предкавказью. Затем, перейдя Дон, они разгромили ослабевших к тому времени скифов и оттеснили их в Крым. С этого времени почти во всех письменных источниках вместо названия "савроматы" появляется новое имя – "сарматы". Наиболее известными среди них были племена аорсов и сираков, кочевья которых охватывали и предкавказские степи, а центром последних стали степные районы Прикубанья.

В общественном развитии сарматы достигли в этот период ступени сложения классовых отношений примерно того же уровня, на котором находились скифы несколькими веками раньше. В отличие от скифов, у которых преобладала в основном легковооруженная конница, сарматская кавалерия характеризуется как тяжеловооруженная, получившая у римлян название "катафрактарий". Воины носили панцири из металлических пластинок и шлемы. Главным их оружием, помимо лука и стрел, являлись длинный тяжелый меч и длинное до 4–4,5 метра копье, которое можно было пустить в ход только двумя руками. Благодаря высоким боевым качествам, маневренности, эффективным видам оружия, умелому сочетанию дальнего и ближнего боя, сарматское войско было сокрушительной силой.

Сарматы стремились охватить и центральные районы Северного Кавказа, где располагались важнейшие перевальные пути в Закавказье. Им сравнительно легко удалось внедриться среди местного населения равнинных районов, уже на предыдущем этапе значительно подвергшегося иранизации. Часть местного населения вынуждена была отступить в горные ущелья, куда кочевники обычно не любили заходить.

После первых враждебных столкновений между пришлыми сарматами и местными племенами устанавливаются тесные контакты и дружественные отношения. В течение нескольких столетий происходит взаимовлияние культур этих племен.

В Кабардино-Балкарии известны десятки пунктов, где археологи раскопали погребения сарматов. Это курганные захоронения у селений Этоко, Кишпек, Чегем I и I, Шалушка, Нартан, Нижний Черек, Нижний Джулат (у г. Майского) и т.д. Здесь обнаружены типичные для сарматов предметы: длинные железные мечи с кольцевидными и серповидными навершиями, крючки для подвешивания колчана к поясу, железные наконечники стрел, бронзовые зеркала большого диаметра (18-22 см) и различные сосуды культового значения.

С конца II в. до н.э. сарматы постепенно переходят к оседлости и смешиваются с местными племенами. Их поселки располагались вблизи родовых кладбищ. В Кабардино-

Балкарии известно несколько таких крупных поселений: у селений Заюково, Аргудан, Терек, Хамидие и Нижний Джулат. К рубежу нашей эры процесс оседания сарматов значительно усилился.

В условиях длительного взаимодействия и смещения различных по происхождению этносов – сарматских и центрально-предкавказских племен происходит нивелировка их культур, усиливается процесс языковой "иранизации", способствовавшей появлению двуязычия, т.е. параллельного употребления кавказских языков и иранского, выступавшего в роли связывающего языка в межплеменных сношениях. Иначе сложилась судьба племен, проживавших в горной зоне. Это были потомки кобанских племен, оказавшихся в сарматское время отрезанными от равнин края. Потеряв на какое-то время доступ к равнинам, их развитие пошло более замедленными темпами. Воздействие сарматов на них было незначительным и опосредованным.

Ранние аланы. С I в. н.э. среди сарматских племен главную роль начинают играть *аланы* – ближайшие предки осетин по языку. В сложении алан большую роль сыграли не только сами сарматы, но и массагетские племена Средней Азии, в т. ч. тохары, чье имя с некоторыми видоизменениями сохранилось у осетин в форме "дигор".

Постепенно усилившись, аланы сумели возглавить в I в. н.э. мощное военно-политическое объединение, куда вошли и целый ряд северокавказских племен. Это объединение с самого начала стало оказывать сильное влияние на политическую ситуацию не только на Северном Кавказе, но и во многих сопредельных территориях. Основным регионом военных и политических устремлений алан в первых веках н.э. стали страны Закавказья и Передней Азии, испытывавшие пагубность их частых походов. Такие опустошительные набеги в Закавказье и Переднюю Азию аланское объединение совершало в 35-36, 72-74, 135-136, 291 и 350-х гг. н.э. Активное участие в них принимало и северокавказское население. Так, во время вторжения в Закавказье в 72 г. в составе алан, по свидетельству грузинской летописи "Картлис Цховреба", находились племена джиков (зихов – древних адыгов), дзурдзуков (предки чеченцев и ингушей) и леков (одно из дагестанских племён).

Эти военные походы, сопровождавшиеся захватом богатых трофеев, содействовали усилению военно-родовой аристократии, находившейся на вершине социальной иерархии аланского общества. Об их богатстве свидетельствуют археологические материалы, выявленные по всему Северному Кавказу.

Успехам военных мероприятий алан способствовали, помимо поддержки местных

племен, их вооружение и тактика войска, основную ударную силу которого составляла конница – как тяжеловооруженная (катафрактарий), так и легковооруженная.

Являясь наследниками более ранних культурных традиций, сармато-массагетского круга племен, аланы успешно развивали их как в области духовной, так и материальной культуры. Например, эта преемственность ярче всего проявилась в религиозных верованиях и погребальных обычаях. В частности, получившие распространение со II в. до н.э. специальные могильные сооружения – катакомбы (в большом количестве раскопаны также в Нижнеджулатском могильника и у с. Чегем II) в последующие века становятся одним из главных погребальных сооружений алан. Однако своеобразная аланская культура Северного Кавказа, складывавшаяся под непосредственным и значительным влиянием местных племен, окончательно оформилась несколько позднее.

Глава 4. Ранний этап этногенеза адыгов

Адыги и близкородственные им *убыхи, абхазы, абазины* являются древнейшими жителями Кавказа.

Сложение древнеадыгских племен. В глубокой древности адыги, убыхи и абхазы (абазины) составляли единую группу племен, имевших общее наименование и общий язык. Разделение общего для них языка-основы произошло в более позднее время – в середине II тысячелетия до н.э. и различия, имеющиеся между абхазским, убыхским и адыгским языками, сложились впоследствии – в результате их самостоятельного развития. Поэтому древнейшая история адыгов теснейшим образом переплетается с историческими судьбами убыхов, абхазов и абазин.

Около 5 тыс. лет тому назад древние предки адыгов, убыхов, абхазов и абазин занимали обширную территорию, которая охватывала центральные и западные части Северного Кавказа, все восточное и южное побережье Черного моря, а также значительную часть Малой Азии. По мнению ученых, на всей этой территории в III и II тыс. до н.э. проживали племена, непосредственно принадлежавшие абхазо-адыгской языковой группе, либо говорившие на языках, родственных абхазо-адыгским (109, с.13).

Одними из древнейших предков абхазо-адыгов, чьи имена до нас дошли, являются многочисленные племена *хаттов* и *касков*, проживавшие в III – I тыс. до н.э. в Малой

Азии.

Хатты занимали северные северо-восточные области Малой Азии, в районе изгиба р. Галис (ныне Кызыл-Ирмак в Турции). Они издавна имели более тесные связи с древне-восточными цивилизациями и в III тыс. до н.э. у них отмечается резкий подъем культуры. Особенно заметен прогресс металлообработки, основанной на богатых рудных запасах Малой Азии. Именно им принадлежит заслуга изобретения способа выплавки железа из руды. В настоящее время уже установлено, что хаттское название железа, совпадающее с адыгским, было заимствовано в греческом, славянских, древнекитайском и др. языках (119).

Во второй половине III тыс. до н.э. хатты находились на стадии сложения ранней государственности. У них уже были отдельные хорошо укрепленные города. Важнейшим из них был Хатти, располагавшийся на труднодоступном горном плато близ современной турецкой деревни Богазкей. Хаттские города возглавляли военные вожди, которые в ряде документов называются царями. Так, например, в документах, относящихся к 2236 – 2200 гг. до н.э. упоминается царь Хатти – Памба, имя которого соответствует современным абхазским мужским и женским именам Памба и Пемба (123, с.143). В течение длительного периода, начиная с конца III тыс. до н.э. (возможно, еще раньше) в области расселения хаттов происходит активное проникновение чужезычных племен, которых в настоящее время обычно называют "хеттами". Этими пришельцами были индоевропейские племена, называвшие себя "неситами". Еще в XIX в. их язык учеными был ошибочно назван "хеттским". Когда же в начале XX в. ошибка обнаружилась, было уже поздно – этот термин уже прочно вошел в науку. Во избежании путаницы решено было оставить за неситами название "хетты", тем более, что сами неситы для обозначения своего царства применяли термин "хеттский" – по его столице Хатти. Поэтому нельзя смешивать хеттов с хаттами, что, к сожалению, часто допускается. Под хеттами в настоящее время учеными подразумеваются индоевропейцы – неситы (см. 127, с.121-124). По уровню своего культурного развития пришельцы-неситы значительно уступали хаттам. От хаттов они заимствовали: название страны (город Хатти они именовали Хаттуса, а себя – "людьми страны хатти" или Хаттуси), умение выплавки железа, целый ряд элементов системы государственного управления – названия высших должностных лиц страны (в том числе царский титул и такие понятия, как "царица" и "царевич"), многие религиозные обряды, имена хаттских богов и т.д (15; 17; 127, с.118-200).

Таким образом, хатты сыграли выдающуюся роль в образовании во II тыс. до н.э. могущественного хеттского царства, формировании его политической и религиозной систем, развитии высокой культуры (127, с.129, 152,153).

В начале II тыс. до н.э. здешние цари еще носили хаттские имена, но постепенно к середине XVII в. до н.э. хаттский язык был вытеснен и ассимилирован индоевропейским – неситским (хеттским). И хотя в это время основное население Древнехеттского царства состояло из тех же хаттов, они уже успели забыть свой язык и восприняли новый неситский (хеттский). Ученые объясняют это тем, что здесь индоевропейский язык получил широкое распространение, тогда как хаттский же оставался в какой-то степени раздробленным и изолированным (127, с.126).

Тем не менее, памятники хаттского языка дошли до нас благодаря тому, что на нем были записаны тексты религиозного характера. В клинописных текстах царского архива Хеттского царства они обозначаются пометкой "хаттили" (по-хаттски). Некоторые хаттские тексты даются в переводе и на хеттском (неситском) индоевропейском языке.

Оказывается, что хеттские жрецы, совершая ритуалы и богослужения, читали тексты на более древнем хаттском языке и давали им перевод на своем.

В результате длительного изучения хаттских текстов крупными советскими и зарубежными специалистами (И. М. Дунаевской, И. М. Дьяконовым, В. В. Ивановым, В. Г. Ардзинба, Э. Форрером, Э. Ларошем, А. Камменхубер, Х. З. Шустером и др.) установлено значение многих слов, выявлены некоторые особенности грамматического строя хаттского языка. Все это позволило окончательно определить генетическое родство хаттского и абхазо-адыгского языков (15; 16; 17; 107; 108; 109; 120; 127; 213; 214).

Помимо языкового родства, ученые давно обратили внимание на значительное сходство древних религиозных верований (отдельные названия хаттских и абхазо-адыгских богов совпадают и по форме и по кругу их деятельности (например, хаттский бог "Уашхо" и древний адыгский Уашхъуэ) и хаттских мифов с некоторыми сюжетами нартского эпоса абхазо-адыгов (борьба бога грома со змеем, образ бога-кузнеца и др.).

Но самое интересное то, что у хурритов (одни из древнейших предков нахско-дагестанских народов), с которыми хатты Малой Азии смешивались и имели тесные связи, существовал миф о рождении героя из скалы, подобно тому, как из камня родился нарт Сосруко. В другом тексте из Хеттского царства содержится рассказ о том, как колесо отрезало ноги герою (190, с.141-145). Как здесь не вспомнить того же Сосруко, гибель кото-

рого тоже была связана с колесом – жан-шерхъ, лишившего его ног.

И, наконец, нельзя не отметить, что древнее имя *хатти* до сих пор сохранилось как основа одного из адыгских субэтносов *хъат-ыкьуеий* – "хатукай".

С древним самоназванием хаттов связаны скорее всего и многочисленные адыгские фамилии, как Хьэтэ "Хата", Хьэткьуэ "Хатко", Хьэту "Хату", Хьэтай "Хатай", Хьэтыкьуэ "Хатуко" и т.д.

С именем хаттов следует соотнести и названия дежурного по войску – Шухьэтий (шу – всадник + хьат), зафиксированного Хан-Гиреем (331, с.278), организатора и церемониймейстера адыгских обрядовых плясок и игр – Хьэтыякьуэ (хьат + кьуэ) "Хатияко", который по своим обязанностям весьма напоминает "человека жезла" – одного из главных участников ритуала и праздников в царском дворце Хеттского государства (16, с.117-118).

Все это свидетельствует о том, что хатты принимали участие в формировании адыгов как один из компонентов.

Каски. Ближайшими соседями хаттов на северо-востоке Малой Азии являлись многочисленные и воинственные племена *каски* иди *кашки*, известные в хеттских, ассирийских, урартских исторических источниках на протяжении почти II и начале I тысячелетия до н.э. Они жили вдоль, южного побережья Черного моря от устья реки Галис по направлению к Западному Закавказью, включая и Колхиду. Каски играли важную роль в политической истории Малой Азии. Они совершали далекие походы и во II тыс. до н.э. им удалось создать мощный союз, состоявший из 9-12 близкородственных племен. Документы Хеттского царства этого времени полны сведениями о постоянных набегах касков. Им даже одно время (в начале XIV в. до н.э.) удалось захватить и разрушить Хаттусу.

Видимо, поэтому хетты-неситы называли их пренебрежительно – "кочевниками" и "свинопасами", хотя это было совсем не так (127, с.118). Уже к началу II тыс. у касков были постоянные поселения и крепости, они занимались земледелием и отгонным скотоводством.

Правда, по свидетельству хеттских источников до середины XVII в. до н.э. у них еще не было централизованной царской власти. Но уже в конце XVII в. до н.э. в источниках есть сведения, что ранее существовавшие порядки у касков изменил некий вождь Пиххунияс, который "стал править по обычаю царской власти"(127, с.149; 190, с.178).

Анализ личных имен, названия племен и населенных пунктов на территории, занятой касками, показывает, по мнению ученых (Г. А. Меликишвили, Г. Г. Гиоргадзе, И. М.

Дьяконова, Ш. Д. Инал-Ипа и др.), что они по языку были родственны хаттам (75, с.201; 127, с.118-119; 213; 214).

С другой стороны, племенные названия касков, известные по хеттским и ассирийским текстам, многие ученые связывают с абхазо-адыгскими. Так, само имя *каска* (кашка) сопоставляется с древним названием адыгов – *касоги* (*кашаги* – *кашаки* – древнегрузинских хроник, *кашак* – арабских источников, *косог* – древнерусских летописей).

Другим названием касков, по данным ассирийских источников, было "*абешла*" или "*апешлайцы*", которое совпадает с древним названием абхазов (*апсилы* – по греческим источникам, *апшиллы* – древнегрузинских летописей), а также с их самоназванием – *апсуа* (127, с.119).

Хеттские источники сохранили нам еще одно название каскского круга племен – *паххува* и имя их царя – *Пиххунияс*. Ученые нашли удачное объяснение и имени *паххува*, которое оказалось связанным с самоназванием убыхов – *пёкхи*, *пёхи* (75)

Но когда и каким образом малоазийские племена хаттов и касков оказались на Северо-Западном Кавказе, где в дальнейшем шло сложение абхазского и адыгского этносов?

Ученые считают, что в III тыс. до н.в. в Малой Азии, в результате складывания классового общества и активного проникновения индоевропейцев – неситов происходит относительное перенаселение, что создало предпосылки передвижения части населения в другие области. Группы хаттов и касков не позже III тыс. до н.э. значительно расширили свою территорию в северо-восточном направлении. Они заселили все юго-восточное побережье Черного моря, включая Западную Грузию, Абхазию и далее на севере до Прикубанья. Следы такого расселения документируются также и географическими названиями абхазо-адыгского происхождения (Супса, Ачкава, Акамписис, Арипса, Апсарей, Синопэ и др.), распространившимися еще в те далекие времена в приморской части Малой Азии и на территории Западной Грузии (88, с.428,429; 89, с.122,123)

В Прикубанье, благодаря знакомству с достижениями древне-восточных цивилизаций и активным связям со своими сородичами в Малой Азии, древние абхазо-адыгские племена смогли оказать значительное влияние на дальнейшее развитие культуры местного населения, с которым они, кстати, находились в родстве (109, с.13). В результате здесь сложилась яркая и самобытная майкопская культура III тысячелетия до н.э. (220, с.376 и сл.). Именно поэтому наблюдается удивительное совпадение в обряде погребения могущественного вождя в Майкопском кургане и царских гробниц хаттов в Аладжа-Хююке

Малой Азии. И там, и здесь над прахом погребенных был воздвигнут роскошный балдахин, украшенный одинаковыми золотыми бляшками и литыми фигурками бычков. Совершенно одинаковы и серебряные трубки, поддерживавшие балдахин, и другие предметы роскоши: золотые штампованные пластинки в виде львов, серебряные и золотые сосуды и т.д.

Во второй половине III тыс. до н.э. племена майкопской культуры – древние предки адыгов – расселились в восточном направлении до границ современного Дагестана. Это было вызвано не только социально-экономическим и культурным развитием, но и участвовавшими столкновениями между различными племенными объединениями внутри абхазо-адыгской языковой группы. Особую роль в данном случае сыграли племена, строившие для своих умерших дольмены, которые не только частично смешивались с населением майкопской культуры, но и оказали на него давление, отчего оно стало ускоренно продвигаться на восток – в бассейн р. Терека. Сами же строители дольменов, двигаясь вслед за майкопскими племенами, заходили далеко за пределы Прикубанья – вплоть до районов Кабардино-Пятигорья включительно (204, с.44-46; 205, с.316, 317). С их участием или под их влиянием были сооружены дольмены в районе Железноводска, Нальчикская гробница, дольменовидные постройки у с. Кишпек.

Все это свидетельствует о том, что уже в III тысячелетии до н.э. первичная территория расселения предков племен абхазо-адыгской языковой группы простиралась довольно широко – от центральной части Северного Кавказа до восточной Малой Азии, включая все юго-восточное Причерноморье (110, с.13). Естественно, такое расселение на большой территории не могло не привести к обособлению отдельных племенных группировок, к появлению локальных (местных) различий внутри древней абхазо-адыгской культурной общности. Немаловажное значение имело такое влияние и воздействие окружающих племен, с которыми вступали в тесные и длительные взаимоотношения древние предки абхазо-адыгов. И действительно, с конца III тыс. до н.э. в пределах распространения майкопской культуры археологи считают возможным выделить две большие группы памятников – прикубанскую (западную) и терскую (восточную), которые скорее всего отражают наличие двух крупных племенных объединений. То же самое отмечается и для дольменной культуры. По особенностям конструкции среди дольменов выделяются две группы – северо-западная и юго-восточная, причем первая из них охватывает районы основного проживания адыгов, а вторая совпадает с территорией, занятой в настоящее время абхазами

(205, с.323). Это значит, что, возможно, именно тогда наметились признаки размежевания абхазо-адыгской общности на собственно абхазские, убыхские и адыгские племена. Со временем этот процесс углубился, в результате чего где-то в середине II тыс. до н.э. (а по мнению некоторых ученых, возможно, еще раньше – в конце III тыс. до н.э.) произошел распад абхазо-адыгского единства: при этом диалекты древнеабхазского и раннеубыхского закрепились на Черноморском побережье, а древнеадыгские – на Центральном и Северо-Западном Кавказе. Сравнительно поздно последовал распад древнеадыгского языка на западноадыгский (адыгейский) и восточноадыгский (кабардинский).

Важнейшей вехой в формировании древнеадыгских племен явилась эпоха поздней бронзы и раннего железа, когда произошло сложение основных культур, непосредственных предков адыгов. В это время на Северо-Западном Кавказе сформировалась Прикубанская культура, а на Центральном Кавказе – Кобанская. Каждая из них имела свои собственные корни и истоки в предшествующей, "северокавказской культуре" II тыс. до н.э., которая, в свою очередь, была тесно связана своим происхождением с майкопской. Поэтому неудивительно, что и прикубанская и кобанская культуры, хотя они являются самостоятельными, во многом проявляют значительное сходство.

Сейчас можно сказать общепризнанным то, что кобанская культура и ее локальные (местные) различия формировались и развивались на культурной основе разных по своему происхождению кавказских племен. В частности, особую роль в образовании отличительных особенностей западного варианта (охватывал районы к западу от р. Баксан до Верхнего Прикубанья, а также Пятигорье) кобанской культуры сыграли племена древнеадыгского круга – отдаленные потомки проживавших здесь с III тыс. до н.э. майкопских племен (349, с.54-56).

Встречающиеся в этом районе погребальные сооружения в виде массивных каменных ящиков обнаруживают непрерывную линию развития и уходят своими корнями к дольменовидным гробницам III тыс. до н.э. (Нальчикская, Кишпекская и др. гробницы). В Верхнем Прикубанье традиция сооружения настоящих дольменов сохранилась почти до самого конца II тыс. до н.э. Верхнее Прикубанье и район Пятигорья были особой зоной, где кобанская культура в значительной степени смешивалась с прикубанской, связанной с западным массивом древнеадыгских племен.

Именно здесь, в пределах прикубанской культуры в начале I тыс. до н.э. сложилась культура племен – прямых предков современных адыгов. Это были многочисленные пле-

мена меотов и синдов – далекие потомки "майкопцев" и строителей дольменов. Об этом свидетельствуют многочисленные археологические материалы, указывающие на непрерывный процесс развития культур древнего населения Северо-Западного Кавказа с эпохи ранней бронзы до эпохи железа. Так, например, на территории расселения синдов, торетов и керкетов, ахеев и зихов раскопаны подкурганые дольменообразные каменные ящики VII-IV вв. до н.э. Происхождение их от кавказских дольменов эпохи ранней бронзы более очевидно, поскольку здесь имеются все характерные черты этого погребального сооружения: пазы для сборки ящика и отверстие в передней стенке (147, с.232). Все это говорит об общности происхождения меотских племен и синдов. Подтверждается это и письменными источниками. Античные авторы единодушно считали синдов родственными меотам, хотя упорно выделялись среди прочих меотских племен. Это было связано не только с особенностями их быта и обряда, но и с тем, что синды раньше всех подверглись значительному греческому влиянию.

Глава 5. Меоты Северо-Западного Кавказа в эпоху раннего железа

Происхождение и расселение меотов. В эпоху раннего железа (I тыс. до н.э.– нач. I тыс. н.э.) Северо-Западный Кавказ населяли многочисленные племена. Составляя самостоятельную и большую группу, они играли значительную роль в истории данного региона.

Древние античные авторы, сочинения которых дошли до настоящего времени, знали их под собирательным именем – *меоты*. От них получило свое название и Азовское море, которое в древности именовалось Меотийским озером ("Меотидой"). Наиболее ранние сведения о меотских племенах содержатся у греческих авторов VI в. до н.э. Гекатея Милетского, Скилака Кариандского, Орфея Кротонского. Например, Скилак Кариандский писал, что соседями савроматов являются меоты а "за меотами следует народ синды: земля их простирается даже за (Азовское) море, по их стране следующие греческие города: Фанагория, Кепы, Синдская гавань, Патус" (13, с.44).

Впоследствии сообщения о меотах у древних авторов становятся обычными, причем число причисляемых к ним племен значительно расширяется. Более подробные сведения содержатся в "Географии" Страбона (63 г. до н.э. – 23 г. н.э.), написанной на основании

большого количества ранних источников. Страбон пишет: "У самого озера (Меотийского) живут меоты: у моря лежит азиатская часть Боспорского царства и Синдика, а за нею живут ахеи, зиги, гениохи, керкеты... К числу меотов принадлежат сами синды, затем дандарии, тореты, агры и аррехи, а также тарпеты, абидиакены, ситтакенцы, досхи и многие другие"(13, с.69). Некоторые из этих племен известны и по эпиграфическим (древним надписям) памятникам Боспорского царства. Это те же синды, дандарии, тореты, досхи, а также фатеи и псесы.

Как видно по данным античных авторов, меоты размещаются в основном вдоль восточного побережья Азовского и Черного морей и в дельте р. Кубани. Но археологические исследования показывают, что в VII в. до н.э. – III в. н.э. меоты населяли более обширную территорию (147, с.224). Она ограничивалась на западе Азовским морем, на юге – северными склонами Кавказского хребта. На севере – в степной части правобережья Кубани – меоты соседствовали с кочевыми ираноязычными племенами савроматов. Более расплывчата восточная граница расселения меотов. Ни один из древних авторов не указывает об этом. Лишь в результате археологических раскопок выясняется, что восточная граница меотов простиралась по крайней мере до Ставропольского плато (до станицы Прочно-окопской). Восточнее р. Уруп жили племена, возможно, родственные меотам.

Кроме того, существовала еще одна отдельная группа меотов, населявшая районы Нижнего Дона и прежде всего его дельту. Донские меоты, издавна оказавшиеся в окружении ираноязычных племен, значительно отличались по своей культуре от основного массива меотов Прикубанья. По мнению ряда ученых, это – результат либо иного их происхождения, либо ранней их иранизации.

В настоящее время большинство ученых (археологи, историки и лингвисты) считает, что меотские племена, упоминаемые в античных источниках, являются древними предками адыгов (кабардинцев, адыгейцев и черкесов). В доказательство того, что в древности адыги проживали на Северо-Западном Кавказе, приводятся многочисленные и убедительные данные топонимики (географические названия) и ономастики (названия имен), которые объясняются на материале адыгского языка. Адыгское происхождение легко прослеживается в меотских этнонимах *псессы*, *досхи*, *аррехи* и др., включающих *псе* (*псы*) "вода, река", суффикс "х" – обычные и широко продуктивные элементы, образующие этнонимические названия в адыгских языках. Археологические же материалы свидетельствуют о преемственности культур на Северо-Западном Кавказе от эпохи бронзы до периода ранне-

го средневековья.

Расселение меотов. Несмотря на то, что античные авторы довольно часто и подробно перечисляют различные меотские племена (иногда даже указывая определенные ориентиры и расстояния между ними), все же определить конкретное их местоположение по современной карте очень трудно. Существуют разные варианты их размещения (147, с. 226-227; 355, карта), которые со временем будут значительно уточнены. Однако никто из исследователей не сомневается в том, что синды занимали Таманский полуостров, который в то время делился на ряд островов дельтой Кубани. Территория их простиралась до современной Анапы. Далее к югу – до современного Новороссийска – жили *тореты*, в районе Геленджика – *керкеты*. Еще южнее на побережье проживали *ахеи*, а за ними на востоке – в глубине гор – *зихи*.

К востоку от синдов примыкали *псессы*, населявшие левый берег Кубани до реки Афипса, которая служила границей с *фатеями*. А между реками Кирпили и Кубанью проживали *дандарии*.

Памятники меотов. Культура меотов прослеживается на протяжении тысячелетия. К настоящему времени накоплен огромный археологический материал, являющийся основным источником для изучения культуры, истории, экономики и общественного строя меотов. Исследованы сотни поселений, городищ и могильников, где выявлены тысячи погребений.

Но этот огромный материал еще не обработан полностью и не систематизирован, что значительно снижает возможности воссоздания цельной истории меотов.

Вместе с тем по археологическим данным уже становится возможным выделить в меотской культуре отдельные локальные группы или варианты которые, как считается, являются памятниками отдельных меотских племен, упоминаемых в письменных источниках (147, с.226).

В развитии меотской культуры археологами выделен ряд этапов: протомеотский (VIII – первая половина VII в. до н.э.), раннемеотский (конец VII – VI вв. до н.э.), среднемеотский (V – первая половина I в. до н.э.) и позднемеотский (вторая половина I в. до н.э. – III в. н.э.)

Древнейшими памятниками, соответствующими периоду сложения меотской культуры, являются Николаевский, Кубанский, Псекупский, Абинский, Толстый Мыс и другие бескуранные грунтовые могильники. Умерших хоронили в простых ямах, а в некоторых

могильниках (например, Фарс) сооружались каменные конструкции типа кобанских. Погребенные лежат либо вытянуто (большинство) на спине, либо в скорченном положении на боку. Они сопровождались разнообразными лепными сосудами типа корчаг, ковшей и горшками. Выделяется группа захоронений воинов с конями, точнее, со шкурой коня с оставленными при ней головой и нижними частями ног с копытами. Здесь же с ними обычно находятся бронзовые удила и псалии, бляхи конского убора. Из оружия чаще всего встречались бронзовые наконечники стрел и копья, железные ножи, топоры-секиры, а также биметаллические кинжалы. Весь этот набор вещей сходен с изделиями киммерийского типа, широко распространившегося к этому времени по обширной территории.

О тесных контактах с киммерийцами свидетельствуют наличие в Прикубанье их захоронений в курганах. Таковы, например, курганы у ст.Усть-Лабинской и хуторе Зубовском. Здесь, как мы уже знаем, обнаружены надгробные стелы-obelisks киммерийских вождей.

Хотя в протомеотских могильниках не обнаружено погребений сколько-нибудь выделяющихся значительным богатством вещей, процесс разложения первобытнообщинного строя здесь уже налицо. Социальное и имущественное расслоение меотского общества происходит ускоренными темпами в раннемеотский и, особенно в среднемеотский периоды, что хорошо прослеживается по материалам могильников и городищ. Этому способствовали несколько важнейших обстоятельств: внедрение в быт меотов нового металла – железа, возникновение кочевого скотоводческого хозяйства и походы киммерийцев и скифов, а также образование на восточном побережье Азовского и Черного морей греческих городов-колоний.

По сравнению с протомеотским периодом, число исследованных грунтовых могильников, относящихся к последующим этапам развития меотской культуры, значительно больше. Некоторые из них использовались на протяжении нескольких веков. Так, например, Усть-Лабинский могильник № 2 просуществовал, начиная с VI в. до н.э. вплоть до II в. н.э. включительно (т.е. на протяжении 800 лет). В отдельных могильниках раскопано до нескольких сот могил. Такие обширные могильники позволяют иногда до мельчайших подробностей проследить происходящие изменения в развитии меотской культуры.

Наметившиеся в протомеотское время местные (локальные) различия отдельных групп памятников сохраняются более или менее отчетливо почти вплоть до конца среднемеотского периода. С этого времени наблюдается несколько иная картина: различия те-

перь прослеживаются между памятниками западных и восточных районов, причем граница проходит где-то между Усть-Лабинской и Ладожской группами (147, с.239).

Материалы могильников достаточно обильны и разнообразны. Главное место по числу находок занимает керамика – разнообразные по форме и качеству выделки глиняные сосуды (миски, кубки, горшки, кувшины и т.д.). Если в протомеотский и раннемеотский периоды преобладали вылепленные от руки чернолощенные сосуды, украшенные иногда геометрическим орнаментом, то, начиная с V в. до н.э. появляется сероглиняная посуда, изготовленная на гончарном круге. Впоследствии такая посуда становится господствующей.

В среднемеотский период не только в мужских, но и в женских погребениях довольно часто встречается оружие. Наряду с тяжелыми копьями широкое распространение получают легкие копья, употреблявшиеся для метания. Их находят в могилах по несколько штук. Под воздействием скифов среди меотов распространились мечи-акинаки с брусковидным, а иногда и с когтевидным навершием. В последующее время меоты вырабатывают собственный вид этого вида оружия, так называемые "синдо-меотские" мечи с брусковидным навершием и без перекрестья. Их было два вида: узкие с длинными клинками и широкие. Последние имели ширину 11-12 см у основания клинка, что напоминает один из излюбленных мечей у нартов *джатэбгьуэ клэцил* (короткий и широкий меч). Встречаются довольно часто в могилах и наконечники стрел, но, преимущественно, из железа. Защитное оружие (шлемы панцири) найдено лишь в некоторых богатых погребениях.

Довольно многочисленны и предметы конской сбруи, которые в V – III вв. до н.э. чаще всего изготовлены уже из железа. Но продолжают встречаться бронзовые псалии и бляхи, иногда оформленные в зверином стиле. Появляются новые формы удил с крестовидными и колесовидными псалиями.

В меотских могильниках широко представлены также предметы быта и украшений: различные типы бронзовых зеркал, серьги, браслеты, перстни, гривны, многочисленные бусы.

О более значительных изменениях в развитии общества меотов свидетельствуют курганные захоронения скифского времени. Походы киммерийцев и скифов в страны Передней Азии не прошли стороной от меотов, часть которых, возможно, принимала участие в их набегах. Результатом этого, а главное – внутреннего развития племен Прикубанья, является появление рядом с оседло-земледельческим миром, другого мира – кочевого и

воинственного.

В Прикубанье в это время появляются курганные захоронения, дающие яркое представление о быте сложившейся кочевой и воинственной аристократии меотов. По своему богатству они ничем не отличаются от царских захоронений скифов. Наиболее ранние из них (VII–VI вв. до н.э.) представлены группой курганов у станиц Келермесской, Костромской и Ульского (Уляп) аула. Раскопки их производились еще в дореволюционный период.

Для них характерны погребальные сооружения в виде шатровых остроконечных перекрытий из бревен под огромной ямой или ее частью (10×10; 6×6 м) или под квадратной бревенчатой площадкой или оградой, сооружавшейся на поверхности почвы. По сторонам в обширной яме или по сторонам деревянного настила располагались убитые взнузданные лошади числом от двадцати или тридцати. Наборы узд выполнялись в зверином стиле. Под курганной насыпью иногда оставляли и погребальную колесницу или повозку.

В одном из курганов Ульского аула, достигавшем высоты более 15 м при раскопках была открыта площадка, на которой обнаружили остатки более 50 лошадей. При дальнейшем снятии насыпи на уровне древней почвы был открыт шатер с четырьмя столбами по углам и по шести столбов с каждой стороны. Вокруг этого сооружения находились коновязи и много костей лошадей и двух волов. Всего вокруг коновязей обнаружено 360 лошадиных скелетов. Необходимо отметить, что Ульский курган не был целиком раскопан. Таким образом, количество убитых и захороненных в этом кургане лошадей, возможно, достигает 500 голов.

Несмотря на то, что Келермесские, Ульские и Костромские курганы были сплошь ограблены в древности, в них выявлено много ценного материала: великолепный меч-акинак в золотых ножнах и с золотой рукоятью; роскошная боевая секира, покрытая золотом; золотые ручки от трона с львиными головами; накладки для колчана из листового золота; литая золотая фигура пантеры, укрощавшая щит; прекрасное серебряное зеркало. Все они украшены многочисленными изображениями зверей, животных и птиц, выполненные в скифском зверином стиле в сочетании с изображениями в манере урартского искусства. Кроме того, обнаружены две золотые чаши, золотая диадема, несколько золотых блях и бусы, а также бронзовые наконечники стрел, шлемы и котлы, панцирь из железных и бронзовых пластинок, железные наконечники копий.

Келермесские, Костромские и Ульские курганы оставлены кочевой аристократией и

представителями родо-племенной знати, очень близкой по образу жизни и привычкам к степным царским скифам. Они свидетельствуют о глубоком социально-имущественном расслоении племен Прикубанья. Убитый и захороненный в Ульском кургане табун лошадей в 500 голов представляет собой совершенно уникальное явление. Одни ученые считают, что эти сотни лошадей были подношениями покойному вождю от его подданных, выражавших таким образом свое почитание умершему, другие видят в этом захоронение царского табуна.

Как бы то ни было Ульский курган свидетельствует о существовании в Прикубанье большого объединения, находившегося под властью могущественного вождя. Данное объединение, по-видимому, было устойчивым, поскольку и в V и IV вв. до н.э. здесь сооружались курганы с такими же погребальными конструкциями, сопровождавшимися массовыми захоронениями лошадей (курганы у станиц Воронежская, Марьевская, Елизаветинской). Количество погребенных взнузданных коней в некоторых случаях достигает 200. Появляются и захоронения зависимых лиц.

Такие же курганы и святилища раскопаны совсем недавно (1981–1984 гг.) в окрестностях аула Уляп (бывший Ульский). Помимо многочисленных предметов вооружения, деталей конской узды, бронзовых и серебряных сосудов, украшений из золота, в уляпских курганах и святилищах обнаружены уникальные шедевры древнего искусства. Это скульптурные навершия в виде лежащего кабана и оленя, а также два ритона (своеобразной формы рог для питья) – золотой и серебряной с позолотой. Серебряный ритон выполнен выдающимся мастером-ювелиром в виде Пегаса (волшебного коня с крыльями).

Относительно того, какому народу принадлежали богатейшие курганы Прикубанья типа Келермесских и Ульских в исторической и археологической науке нет единого мнения. Одни исследователи приписывают их скифам, другие – меотам. Третьи же считают, что наиболее ранние Келермесские курганы VII–VI вв. до н.э. принадлежат киммерийцам, вместе со скифами вернувшимися из переднеазиатских походов. Во всяком случае, весь материал курганов Прикубанья подчеркивает своеобразие и отличие от погребальных сооружений других областей, хотя проникновение и оседание тех и других групп кочевников, а затем смешение и полное их растворение с меотами нельзя отрицать (см. 67, с.125-137). И в решении данного спора немаловажное значение будут иметь результаты археологических раскопок последнего десятилетия на Северном Кавказе (курганы у аула Уляп – в Адыгее, у хутора Красное Знамя, селения Новозаведенное – в Ставрополе и у

селения Нартан – в Кабардино-Балкарии).

Поселения меотов. Наряду с появлением у одних племен Прикубанья в эпоху раннего железа кочевого скотоводческого (с преобладанием коневодства) хозяйства, у других племен меотов продолжает сохраняться земледельческий уклад хозяйства. Оседлое земледельческое население занимало в основном территории по восточному побережью Азовского моря, по берегам Кубани и по ее левым притокам.

Наиболее ранние поселения (более 30) неукрепленного типа меотов относятся еще к VIII –VI вв. до н.э., но они недостаточно изучены. В последующие века, с естественным приростом населения и оседанием части кочевников высокий берег Кубани покрывается густой сетью городищ. Все они имели разную продолжительность существования и разную степень развития. Особенно много (более 150) их становится в позднемеотский период (вторая половина I в. до н.э. – III в. н.э.). Например, в Усть-Лабинской группе они образуют почти непрерывную цепь. По минимальным подсчетам археолога И. С. Каменецкого на рубеже II – III вв. н.э. общая площадь городищ этой группы достигает огромной цифры – 1237797 кв. м., а средняя численность населения (из расчета 5 человек на семью) одновременно проживавшего здесь, составляла 62 тыс. человек. На другом, ограниченном участке – в треугольнике между Кубанью и Лабой сохранившаяся площадь небольших городищ – 181726 кв. метров, где жило около 10 тыс. человек. Некоторые городища достигают значительных размеров. Например, в Ладожской группе, городище Конусное тянется вдоль берега на 1800 м. В таких городищах могло проживать по несколько тысяч человек (147, с.244-245)

На многих городищах имеются мощные культурные слои, свидетельствующие о длительном и непрерывном их существовании. Они имеют также развитую систему оборонительных укреплений – "цитадели" (сильно укрепленная центральная часть, отделенная от остальной площади городища глубоким рвом и валом) и внешние рвы. Время сооружения этих укреплений точно не выяснено, но, как показывают материалы отдельных городищ (например, Елизаветинское близ Краснодара), оно относится к IV в. до н.э. Хотя, как полагают археологи, в различных районах Прикубанья возведение укреплений могло происходить в разное время (147, с.235).

О характере меотских жилищ нет полных данных. Но в некоторых городищах встречались остатки турлучных и саманных построек. На донских меотских городищах выявлены подквадратные, со скругленными углами жилища, стенки которых сделаны из ка-

мышья. Снаружи они обмазывались глиной. Высота стен достигала 2,5 м. Пол был глинобитный, крышу делали из камыша. В центре такого жилища располагался открытый очаг; у задней стенки иногда устроены большие хлебопекарные печи, сложенные из сырцовых кирпичей. Вдоль стен располагались глинобитные лежанки (147, с.241).

На городищах и поселениях Прикубанья найдены многочисленные кости домашних животных (коровы, лошади, овцы, свиньи, собаки), масса керамики, серпы, сошники, мотыги, жернова, рыболовные грузила, металлические украшения и т.д. Наряду с материалами могильников и письменных источников они позволяют охарактеризовать экономическую и культурную жизнь меотов.

Хозяйство меотов. Основой хозяйства меотов являлось земледелие и скотоводство. Плодородные степные районы правобережья Кубани и долины рек были чрезвычайно удобны для земледелия. Заболоченные низины и предгорья являлись прекрасными пастбищами для скота.

Земледелие у меотов стояло на высоком уровне, что позволяло производить хлеб не только для собственного потребления, но и для вывоза. Они возделывали пшеницу, ячмень, рожь, просо и бобовые культуры, из технических культур – лен. На многих городищах найдены обуглившиеся зерна этих культур.

Второе место в хозяйстве меотов занимало скотоводство, которое давало тягловую силу, мясо, молоко, шкуры и шерсть. Высоко было развито и коневодство, поставляющее боевых коней и коней для передвижения. Поскольку и в могилах нередко встречаются отдельные части туши коня, считается, что и конина шла в пищу. Судя по материалам курганных захоронений, верховые кони являлись и мерилем богатства.

Широкое распространение у меотов получило и рыболовство. Меотам принадлежали наиболее богатые рыбой пункты Азовского побережья и Кубани. На городищах и поселениях повсеместно встречаются грузила для сетей, кости рыб и целые пласты рыбьей чешуи. Их анализ показывает, что меоты ловили сома, стерлядь, севрюгу, белугу, осетра, сазана и судака. На некоторых городищах (например, Подазовское) обнаружены рыбозасолочные ямы. Все это говорит о том, что рыба шла и на внешний рынок (147, с.248).

Ремесленное производство было развито в основном у оседлых меотов. Это и металлопроизводство и ювелирное дело, но особенное значение получило производство сероглиняной керамики. Об этом свидетельствуют не только многочисленная посуда, найденная в меотских могилах, но и гончарные печи, довольно часто встречаемые на городищах.

С появлением гончарного круга появляются и центры по производству керамики. Одним из таких, наиболее известных центров было Елизаветинское городище близ Краснодара. Здесь открыто около десятка гончарных печей и керамический брак. Высококачественная сероглиняная посуда меотов пользовалась высоким спросом у соседних и отдаленных племен. Она попадала далеко в степь, вплоть до Поволжья и даже до Казахстана, не говоря уже о более восточных районах Северного Кавказа.

Важное место в жизни меотских племен занимала торговля. Торговые связи осуществлялись не только по суше. Письменные источники свидетельствуют, что отдельные меотские племена были хорошими мореходами, причем морская торговля часто совмещалась с пиратством. Страбон и римский историк Тацит (умер в 120 г. г. н.э.) писали (13, с.70, 122-123), что ахеи, зиги (зихи) и их южные соседи – гениохи строили для нападения на проплывающие корабли небольшие узкие и легкие лодки, вместимостью до 25-30 человек. Как выясняется, эти суда были сделаны без единого металлического гвоздя. Верхняя часть их бортов располагалась близко друг к другу, а корпус расширялся. Во время штормовой погоды борта наращивались досками, образуя крышу, защищая таким образом судно от захлестывания его волной. Греки называли их "камарами" (от греческого слова "камара" – повозка со сводчатым верхом или сводчатая комната). Об искусстве мореплавания различных меотских племен писали и другие авторы. Николай Дамасский (I в. до н.э.) указывает, что "у керкетов, если кто, управляя лодкой ошибается, то все подходят один за другим и плюют на него" (13, с.56). Другой автор V в.н.э., имя которого осталось неизвестным (Псевдо-Арриан) писал: "керкеты... народ... весьма опытный в мореходстве" (13, с.178).

Торговля (как сухопутная, так и морская) у меотов получает особенное значение и развитие после возникновения на Черноморском побережье греческих городов и образования Боспорского царства.

Греческие города-колонии. Возникновение греческих городов-колоний на Черноморском побережье не было явлением случайным. Греческие мореходы очень рано познакомились с Северным Причерноморьем. Это нашло отражение в их мифах и сказаниях, древнейшие из которых относятся ко II тысячелетию до н.э. (Мифы и сказания об аргонавтах, совершивших на корабле "Арго" поход в Колхиду за золотым руном, о храбром и хитроумном Одиссее, блуждавшем в стране киммерийцев, о прикованном к скале в горах Кавказа Прометее и др.) Указанные мифы отражают еще тот период, когда для греков

Черное море еще было чем-то далеким, труднодоступным и плавание к его берегам – опасным. Сложению такого впечатления способствовало, кроме всего прочего, и неблагоприятный климат, отсутствие каких-либо островов для поэтапного успешного освоения черноморских берегов. Поэтому-то первоначально греки называли Черное море "Понтос Аксенос" – *Негостеприимное море*. Лишь впоследствии, поселившись на его берегах и познакомившись с богатым краем, они переименовали Понт Аксенос в "Понт Евксинский" – *Гостеприимное море*. Об этом рассказано в книге "География" Страбона.

Первые поселения греков появились на северном побережье Черного моря в самом конце VII в. до н.э. или в самом начале VI в. до н.э. Греков привлекали плодородные равнины Причерноморья, где можно было возделывать хлеб и вывозить его в Грецию. У приазовских и причерноморских кочевников были также огромные табуны лошадей и отары овец, которые давали много продуктов животноводства для вывоза. Кроме того, Азовское и Черное моря и реки, впадавшие в них, изобиловали рыбой, а частые военные столкновения местных племен не обходились без захвата пленных, которых можно было приобретать с большой выгодой для перепродажи их в рабство. Сами же греки стремились расширить границы рынка для сбыта своих товаров.

В VI–V вв. до н.э. греческие города возникли на всем протяжении Северной береговой полосы Черного моря, а затем и в районе Азовского моря. Большая группа городов была основана на берегах Керченского пролива, называвшегося греками Боспором Киммерийским. По их представлению, Боспор Киммерийский разделял Европу и Азию: земли, расположенные к западу от пролива, греческие географы считали европейской частью, а к востоку – азиатской.

Города основывались в основном там, где уже существовали поселения местных племен, которые первоначально охотно предоставляли грекам эти места. Они (и особенно их племенная знать) были заинтересованы в торговых связях с греками. Со временем же стремление греческих колонистов к расширению своих владений за счет вытеснения местных племен и их порабощения натолкнулись на сопротивление. Поэтому вскоре вокруг этих городов выросли каменные оборонительные стены и валы.

С появлением греческих городов, развитием взаимоотношений между ними и местными племенами в истории юга нашей страны началась античная эпоха. Города (по-гречески – полисы) были сложившимися рабовладельческими торгово-земледельческими и ремесленными центрами, поставщиками хлеба, сырья и рабов из Причерноморья в Гре-

цию.

Античные авторы сохранили нам более тридцати наименований греческих городов (12), возникших в разное время. На Боспоре наиболее значительным был Пантикапей, южнее его Нимфей, а северо-восточнее Пантикапея – Мирмекий. Крупнейшим городом азиатской части Боспора – на Таманском полуострове – являлась Фанагория, которую основал в 540 г. до н.э. теосец Фанагор. К западу от Фанагории, на месте нынешней станции Тамань, возникла Гермонасса. На близлежащих островах были расположены Патрэй, Кепы, Корокондама. В районе современной Анапы возник пункт Синдская гавань, в IV в. до н.э. переименованный в Горгипию. Именно они сосредоточили в своих руках всю торговлю с меотскими племенами Прикубанья. Импортные изделия (главным образом, посуда греческого производства) начинают поступать к ним уже с VI в. до н.э. В небольших количествах они обнаружены в Краснодарской и Усть-Лабинской группах меотских памятников. Более заметным импорт становится в V в. до н.э., но особенный его наплыв наблюдается в IV в. до н.э. Это было связано с образованием и развитием Боспорского царства.

Боспорское царство. В 480 г. до н.э. греческие города, расположенные по обоим берегам Керченского пролива, объединились в одно государство под главенством Пантикапея, чеканившего еще с середины VI в. до н.э. собственную серебряную монету. Общность торговых интересов, а также необходимость совместной защиты от возможных нападений со стороны местных племен были главными причинами политического сплочения этих городов.

Во главе Боспорского царства стояли архонты (правители), избираемые первоначально из знатного греческого рода Археанакта, основателя Пантикапея. Власть Археантактидов стала наследственной и, по свидетельству Диодора Сицилийского (греческий историк, живший в I в. до н.э.), эта династия правила Боспором в течение 42 лет (13, с.85).

В 438 г. до н.э. к власти приходит новая династия Спартокидов, родоначальником которой стал Спарток I. Спартокиды правили Боспорским царством до II в. до н.э. Происхождение этой династии до сих пор остается неясной. Поскольку имена Спартока и некоторых других его потомков не греческие, а фракийские, вопрос о том, кем были они по происхождению, решается различными учеными по-разному. Одни считают, Спартока фракийцем или фракизированным скифом, другие предполагают, что он – выходец из синдо-меотских племен(12, с.13).

Приход к власти Спартока знаменовал собой начало нового этапа в истории Боспора, связанного со стремлением территориального расширения, как на западе, так и на востоке. В этом плане Спарток I не смог достичь многого, так как он вскоре умер. Его преемник Сатир I (403–390 гг. до н.э.) предпринял решительные меры к расширению границы Боспорского царства. Ему удается силой присоединить город Нимфей, расположенный всего в 15 км от Пантикапея и остававшийся свободным городом. Затем он приступил к осаде Феодосии. Феодосия к тому времени превратилась в крупный торговый центр и успешно конкурировала с Пантикапеем. Именно это соперничество не давало покоя Спартокидам. К тому же с покорением Феодосии все земли Керченского полуострова оказались бы в их руках, а это было важно и по стратегическим соображениям. Но Сатиру I не удалось полностью осуществить свои замыслы: он умер при осаде Феодосии. Упорное сопротивление этого города удалось в конце концов сломить его сыну Левкону I (390–351 гг. до н.э.).

Меоты и Боспор. Присоединив Феодосию и высвободив свои войска, Левкон I обратил свои взоры на богатые земли азиатской части Боспора – области расселения синдов и меотов. За годы своего правления Левкону I удалось расширить границы Боспорского царства до современного Новороссийска, подчинив синдов. Вслед за ними были присоединены и другие меотские племена Нижнего Прикубанья и восточного Приазовья: тореты, дандарии и псессы. В некоторых надписях времени Левкона I, высеченных на каменных блоках, его титул обозначен как "архонт Боспора и Феодосии, царь синдов, торетов, дандариев и псессов". Спустя какое-то время, к титулу его преемника Перисада I (351–309 гг. до н.э.) добавляются фатеи и досхи, а он именуется уже царем "всех меотов"(13, с.12).

Но, как считают ученые, присоединение меотов к Боспору носило скорее всего формальный характер, чем фактический, поскольку их территория не была включена в границы царства (132, с.77). Следовательно, меотские племена сохраняли какую-то самостоятельность и продолжали подчиняться собственным царям и вождям. Подчинение их Боспору означало только, что они должны были признавать власть боспорских царей и выплачивать им дань хлебом и другими продуктами, а в случае необходимости поставлять воинов и предоставлять на своей территории свободу действия купцам. Что же касается внутренней жизни, то они сохраняли свои обычаи и образ жизни, а также родоплеменной быт (14, с.130).

На это указывают и некоторые письменные источники. Весьма показателен рассказ Диодора Сицилийского о борьбе за власть на Боспоре после смерти Перисада I (309 г. до

н.э.) между его сыновьями (13, с.85-88). По словам автора, против законного наследника Сатира II выступил его младший брат Евмел. Где-то в Прикубанье, на берегу реки Фат, произошло большое сражение. В данном сражении принимал участие и царь меотского племени фатеев Арифарн, поддерживавший Евмела. Причем, согласно источникам, Арифарн прибыл на поле битвы вместе с отборной дружиной и войском, состоявшим из 20 тыс. конницы и 22 тыс. пехоты. В битве с Сатиром Евмел и Арифарн потерпели поражение и бежали с войском в замок Арифарна, находившийся в лесистой и болотистой местности на берегу р. Фат. Замок был хорошо укреплен высокими башнями. Сатир пытался атаковать замок, вырубив лес, окружавший его, но был при этом смертельно ранен и вскоре умер. Брат и преемник Притан пытался продолжить борьбу, но его попытки не увенчались успехом. Евмел с помощью фатеев захватил "немало городов и укреплений". Притан был убит, а боспорским царем стал ставленник Арифарна Евмел.

Все это свидетельствует о том, что отдельные меотские племена, обладая значительными вооруженными силами, имели возможность освободиться от притязаний Боспора. Правда, некоторые ученые считают, что Арифарн был царем сарматского племени сираков. Но то, что подобного рода попытки со стороны меотов действительно могли иметь место, подтверждают надписи с изменениями списка племен, подчиненных боспорским царям. Страбон также пишет, что "иногда то один, то другой народ отпадали от них" (13, с.70).

Если эти данные говорят о большой неустойчивости в политической жизни Боспора по отношению к меотским племенам, то экономические связи между ними получили значительное развитие. Более того, можно говорить об экономической экспансии боспорян. Ведь основная масса хлеба, вывозимого Боспором в Грецию, поступала в основном из прикубанских районов. В годы наивысшего подъема (при Левконе I) Боспор вывозил ежегодно в Афины 400000 медимнов хлеба, то есть около 16700 тонн. Страбон же называет еще большую цифру – около 87500 тонн (13, с.63).

Помимо хлеба, Боспор вывозил в Грецию соленую и вяленую рыбу, скот, кожи, меха, рабов. Греческие импортные товары пользовались большим спросом среди знати скифских и меотских племен.

Для лучшей организации взаимовыгодной торговли, боспорские купцы создавали на землях местных племен торговые пункты (фактории или эмпери). Такая торговая фактория возникла в конце IV в. до н.э. и в среднем течении Кубани на месте крупного меотско-

го поселения, располагавшегося в районе современной станицы Елизаветинской. Это был самый восточный торговый пункт боспорян среди меотских племен.

Отсюда импортные товары широко расходились по всем направлениям. На многих городищах и могильниках, расположенных далее в глубине предгорий и вверх по течению р. Кубани, найдены многочисленные остродонные амфоры, ювелирные изделия, доспехи греческого производства, античные сосуды и т.д. Конечно, большинство из них сосредотачивалось в руках племенной знати, что приводило к еще большему углублению имущественного и социального неравенства в меотском обществе.

Меоты и другие местные племена, будучи тесно связаны с греками, испытывали их культурное влияние. Они познакомили местное население с достижениями античной цивилизации. В свою очередь и Боспор испытывал влияние местной культуры. В частности, боспоряне заимствовали тактику боя, некоторые виды вооружения, типы одежд, более удобные в условиях Северного Причерноморья, чем греческая (14, с.131; 132, с.77-78).

Естественно, это взаимовлияние двух культурных традиций сильнее всего сказывалось на территории самого Боспорского царства. И в этом плане показательнее всего история синдов, которые раньше всех были подчинены Боспору.

Синдика. Самое большое племя меотов – *синды* – населяли Таманский полуостров и Черноморское побережье, включая территорию современной Анапы. На востоке их территория простиралась до Семибратнего городища (в 12 км к западу от станицы Варениковской), расположенного в низовьях Кубани, на левом ее берегу. Наиболее раннее захоронение синдской племенной знати, относящееся к концу VII или началу VI в. до н.э., обнаружено в кургане у Цукурского лимана. Вместе с погребенным найдены бронзовая секира-молот, бронзовые наконечники стрел, бляшка с изображением двух сцепившихся барсов, а также привозной греческий кувшин (родосская ойнохоя).

Очень важными для решения вопроса о происхождении синдов являются могильники у хуторов Рассвет и Красная Скала недалеко от Анапы. Здесь выявлены разные типы погребальных сооружений: грунтовые погребения под круглыми каменными выкладками; каменные гробницы в курганах; каменные ящики. Более трети всех захоронений сопровождалось оружием, главным образом мечами-акинаками, копьями и ножами.

Но главное в том, что погребальный обряд и характер могильных сооружений указывают на тесную связь с эпохой бронзы. Следовательно, речь может идти о последовательном и едином развитии населения, проживавшего на данной территории, от эпохи

ранней бронзы до эпохи железа.

Такая же картина прослеживается и южнее Анапы до районов Геленджика, где раскопаны подкурганные дольменообразные каменные ящики VII–IV вв. до н.э. Происхождение их от кавказских дольменов эпохи ранней бронзы более очевидно, поскольку здесь имеются все характерные черты этого погребального сооружения: пазы для сборки ящика и отверстие в передней стенке (147, с.232).

Указанные памятники обнаружены на местах расселения теоретов и керкетов, ахеев и зихов. Все это говорит об общности их происхождения и родственной связи с синдами. Об этом же говорят и письменные источники. Античные авторы единодушно считали синдов родственными меотам, хотя упорно выделяли среди прочих меотских племен. Это было связано не только с особенностями их быта и обряда, но и с тем, что синды раньше всех подверглись значительному греческому влиянию.

Хотя Синдика в VI–V вв. до н.э. не входила в состав Боспора, греческое влияние ощущается в облике оборонительных сооружений и археологическом материале с синдских поселений и городищ. Крупных городищ VI–V вв. до н.э., игравших на Боспоре важную и стратегическую роль, мы знаем несколько: Краснобатарейное, Раевское и Семибратнее.

Из них наиболее значительным и хорошо изученным является Семибратнее городище. Оно возникло во второй половине VI в. до н.э., а в начале V в. до н.э. было обнесено мощной каменной стеной с прямоугольными башнями и пристенными лестницами. Толщина стен – 2,5 м, высота достигала 6 м. Все это было сооружено в соответствии с требованиями античной фортификации. В конце V в. до н.э. эти укрепления были разрушены, но затем восстановлены (132, с.76).

Около городища находится много курганов, называвшихся в народе "Семь братьев", по самым большим из них, достигавшим высоты 13–15 м. Этим же именем назвали городище археологи.

Курганы раскапывались частично еще в дореволюционное время и стали знаменитыми. Захоронения совершены в прямоугольных гробницах из сырца или камня с деревянными перекрытиями, внутри которых иногда устанавливался деревянный саркофаг. Обнаружен обильный и богатый инвентарь, состоявший из оружия (мечи, копья и панцири, украшенные золотым полумесяцем и изображением головы Медузы), драгоценной посуды из золота, серебра и бронзы, а также украшений. В курганах есть и остатки погреб-

бальных колесниц, а также погребения от 6 до 12 упряжных коней. Многие предметы имели греческое происхождение. Часть курганов была сооружена в V в. до н.э., остальные позже – в IV в. до н.э.

Принято считать, хотя некоторые ученые иного мнения, что Семибратные курганы являлись захоронениями членов синдской царской династии, а одноименное городище – их резиденцией (132, с.76). По другим же данным, с чем согласны большинство ученых, столицей Синдского царства в V в. до н.э. был город Синдик или Синдская гавань (переименован в IV в. до н.э. в Горгиппию), расположенный на месте современной Анапы. Имеется немало свидетельств того, что до присоединения к Боспору синды в V в. до н.э. действительно имели свое государство, которое чеканило серебряные монеты с надписью "Синдон" (1, с.141-145; 217, с.204-215).

Синдо-меотская аристократия находилась в тесных дипломатических и брачных связях с Боспорскими царями. Например, вельможа и богач *Сонеи* (сравни с названием древнеадыгского племени "Собай") выдал свою дочь за сына царя Сатира I (433 – 398 гг. до н.э.), получив при этом высокую должность наместника (13, с.35-36). Дочь же самого Сатира I стала второй женой синдского царя Гекатея. На это указывает прекрасный романтический рассказ греческого писателя II в. н.э. Полиена. Содержание его таково.

Царь синдов Гекатей был женат на меотянке Тиргатао. В результате династической борьбы он был свергнут с престола. Боспорский царь Сатир I (403–390 гг. до н.э.) вмешался во внутренние дела Синдики и не только вернул Гекатею престол, но выдал за него свою дочь. При этом Сатир потребовал от Гекатея убить прежнюю жену меотянку Тиргатао. Но Гекатей любил Тиргатао и не решился ее убить. Он заточил ее в крепость и велел жить под стражей. Однако Тиргатао обманула стражу и бежала. Скрываясь днем в лесах, а ночью пробираясь по пустынным скалистым дорогам, она добралась до соседившего с синдами племени яксоматов (язаматов), где были владения ее родственников. Не застав в живых своего отца, Тиргатао вступила в брак с его преемником и, собрав сородичей-меотов, начала кровопролитную войну против Сатира и Гекатея. Во время набегов меоты не раз опустошали Синдику и причиняли вред царству Сатира. Гекатей и Сатир вынуждены были просить мира, выдав в заложники сына Боспорского царя. Однако вскоре мир опять был нарушен Сатиром. Он подослал наемного убийцу, который не смог, однако, привести в исполнение коварный замысел. Когда покушение раскры-

лось, Тиргатао велела убить заложника и возобновить войну. Она вновь подвергла земли Синдики и азиатские владения Боспора "всем ужасам грабежа и резни". Только после смерти Сатира его сын Горгипп богатейшими дарами и просьбами добился мира (13, с.35-36).

Из этого рассказа следует, что во времена Сатира синды и другие меотские племена были независимыми от боспорского правителя, а синды же имели и своего царя. Стремление Сатира породниться с царем синдов Гекатеем, выдав за него свою дочь, свидетельствует и о том большом значении, которое придавали боспорские правители установлению прочных связей с Синдикой.

Война меотов с синдами и боспорцами, о которой рассказывает Полиен, в какой-то степени подтверждается археологическим материалом. К середине или концу V в. до н.э. небольшие греческие поселения Таманского полуострова временно или окончательно пустеют. С этой же войной, как считают, связано и разрушение ранних стен Семибратнего городища в конце V в. до н.э. или в самом начале IV в. до н.э.(14, с.130, примеч.; 132, с.76).

Таким образом, верхушка синдской знати была еще до присоединения Синдики к Боспору тесно связана со спартокидами, что подготовило включение Синдики в состав Боспорского царства. Это произошло в начале IV в. до н.э. во время правления на Боспоре Левкона I. Но едва ли оно было добровольным. Недавно появился новый документ, недвусмысленно указывающий на враждебный характер политики только что пришедшего к власти на Боспоре Левкона I по отношению к Синдике. В 1985 г. на окраинах Семибратнего городища была обнаружена посвятельная надпись Левкона I, нанесенная на постаменте статуи, текст которой гласит: "Принесший обет Левкон, сын Сатира, архонт Фебу Аполлону поставил тому, что в Лабрите. Владыке же города лабритян я, помогающий после сражения и победы над Феодосией, указал Октамасаду: "*Уводи к себе от Синдов обоих сыновей и уничтожь смертоносную дружбу царя Синдов – ведь враждебен доводящий царство до тяжелейшего [поражения(?)]*" (47, с.36). Судя по источнику, датируемому 389 г. до н.э., на месте нынешнего Семибратнего городища в то время находился город Лабрита, правитель которого Октамасад имел дружеские отношения с царем Синдики. Правда, автор публикации и перевода текста Т. В. Блаватская считает, что этот союз со стороны Октамасада носил принужденный характер и был вызван разгромом царства лабритян царем синдов, потребовавшему от покоренного владыки Лабриты выдать в заложники двух

своих сыновей (47, с.44-45). Однако такое толкование представляется несколько произвольным. Не исключено, что мы имеем дело с одним из ранних свидетельств проявления института аталычества. Как бы то ни было, приведенный текст надписи прямо указывает на вмешательство Левкона I во внутренние дела Синдского царства, с существованием которого придется смириться скептикам. Вполне возможно, что принесенный Левконом I обет был связан и с ликвидацией самостоятельности Синдики.

С включением Синдики в состав Боспора, элементы греческой культуры стали проникать в самые широкие слои синдского общества. Отмечается и активное проникновение представителей местной племенной знати в греческие города, располагавшиеся на азиатской части Боспора. Эта племенная верхушка втягивалась в торговые операции, вступала в браки с греческой аристократией, перенимала некоторые элементы эллинской культуры. В свою очередь, сближение с ними отразилось на мировоззрении, традициях, художественном вкусе и погребальном обряде греческой знати.

Во многих городах азиатской части Боспора (Фанагории, Тирамбе, Корокондаме и др.) увеличивается и число горожан – рядовых общинников из синдо-меотских племен. На это указывают черты синдо-меотского погребального обряда в грунтовых могильниках этих народов. Их присутствие придавало известное своеобразие боспорской культуре.

IV-III вв. до н.э. были временем подъема Боспорского царства и сложением экономического, политического господства и процветания греко-синдо-меото-скифской боспорской аристократии, связанной с крупным землевладением и хлебной торговлей.

Однако вскоре наступает кризис, вызванный не только внутренним противоречием среди правящей династии Спартокидов за власть, но и нарастанием социальных конфликтов в обществе между рабами и рабовладельцами. Кроме того, значительно активизировались и скифы Северного Причерноморья, на которых напирала новые союзы кочевых племен, двигавшихся с востока.

Сарматы и Меоты. Сильным был натиск сарматов и в районы Северо-Западного Кавказа. Но здесь устремления сарматов успешно сдерживались многочисленными и сильными племенами меотов, а также активной политикой Боспорского царства. Заняв степную часть правобережья Кубани, сарматские племена сираков со II в. до н.э. начинают постепенно проникать в среду оседло-земледельческого меотского населения. С расселением сираков распространяются общесарматские элементы материальной культуры – оружие, предметы туалета и украшений, художественный стиль. Происходит и частичное

изменение погребального обряда. В некоторых могильниках появляются катакомбные погребения. В свою очередь, сарматы испытали значительное влияние со стороны меотов. Все это позволяет археологам утверждать, что в Прикубанье происходил не только процесс так называемой "сарматизации" меотов, но и значительной "меотизации" сарматов. Сираки использовали в основном вещи меотского производства, поскольку меотское ремесло стояло на высоком уровне развития. Особенно ярко это проявилось в керамике. Сарматы не освоили гончарного круга и большинство посуды они получали от меотов.

В отличие от районов Центрального Предкавказья, частичное проникновение и оседание сарматов в Прикубанье не привело к смене языка у меотов. Наоборот, оседавшие сарматы были ассимилированы и растворились среди меотов – древних предков адыгов (132, с.81). Подобный вывод археологов подтверждается и историческими преданиями. На это указывал еще в свое время Ш. Б. Ногмов. Он писал: "Здесь нелишне будет переименовать все народы, которые были в сношении с нашими предками и даже посредством частных переселений, или переходя в горы массаами и присоединяясь к нашему народу, могли иметь большое влияние на состав и образование... языка... Еще осталось в памяти народной, что некоторые фамилии вели свой род от сарматов и потому носят название шармат. Здесь, кстати, приведу одну старинную сохранившуюся у нас пословицу, доказывающую, что наши предки были с ними в коротких сношениях. Когда кто-нибудь в обществе много шутит и заставляет других смеяться, то ему говорят: "Ты не черт и не шармат, откуда же ты взялся" (240, с.61). В настоящее время фамилия "Щэрмэт" – "Шармат" (принятое русское написание – "Шерметов") известно в нескольких кабардинских, абазинских селах.

Глава 6. Адыги в эпоху раннего средневековья (IV-XII вв.)

Образование Зихского и Касожского союзов. Гуннское нашествие оказалось трагическим и для большинства населения Северо-Западного Кавказа. Гунны нанесли последний сокрушительный удар по Боспорскому государству. Южная волна гуннов прошла через Прикубанье на Таманский полуостров. Оттуда, форсировав Керченский пролив, гунны вторглись в Крым. Боспорские города были превращены в груды развалин; их жители были либо перебиты, либо угнаны, Боспорское государство перестало существовать.

Захватив степные пространства Северного Причерноморья и Восточного Приазовья, гунны некоторое время оставались там, кочуя и собирая дань с уцелевшего после погрома местного населения.

В результате этого нашествия территория расселения предков адыгов – меотских племен значительно сократилась. Под напором кочевников позднемеотские племена вынуждены были уйти с правобережья Кубани в предгорье, приморские и горные районы Закубанья, где возникли их новые городища (Гатлукайское, Пшикуйхабльское, Кошехабльское, Ново-Михайловское и др.). Часть адыгов скрылась в верховьях Кубани.

Положение раннеадыгских племен значительно ухудшилось в конце IV или начале V в. н.э., когда из Крыма произошло вторжение готов-тетракситов, которые захватили часть Черноморского побережья на Тамани. Жившие там синды и керкеты были вытеснены на восток.

В результате этих бурных событий в письменных источниках IV-V вв. н.э. упоминание отдельных меотских племен становится очень редким, что говорит о значительном ослаблении их роли в то время на Северо-Западном Кавказе (132, с.95). Кроме того, начиная с этого времени со страниц сочинений древних авторов навсегда исчезает собирательное имя "меоты".

Но зато все чаще и чаще становятся известными сведения об одном из раннеадыгских племен – *зихах*. В отличие от других меотских племен зихи, вероятно, менее всего пострадали от гуннского нашествия, поскольку их территория оказалась в стороне от волны гуннов, прорвавшейся через Таманский полуостров в Крым.

Укрепление политического значения зихов среди других соседних и родственных племен началось еще в начале нашей эры. Этому в немалой степени способствовало то, что зихи, как и ряд других племен, сумели установить союзнические отношения с аланами. Как свидетельствуют письменные источники, в том числе грузинская летопись "Картлис Цховреба", союзнические войска овсов (аланов), джиков (зихов) и дзурдзуков в 72 г. н.э. с согласия и поддержки иберов (грузин) прошли через Дарьяльское ущелье и вторглись в пределы Парфянского царства и Армении. Историк Иосиф Флавий (I в. н.э.) пишет, что "они стали опустошать многолюдную и наполненную всяким скотом страну, причем никто не осмеливался им противиться". По словам "Картлиса Цховреба", они "захватили множество пленных и, преисполнившись всякого добра, ушли".

Начало этнополитической консолидации адыгских племен под главенством зихов

нашло отражение в посвященных надписях боспорского царя Савромата I (93-123 гг. н.э.), где территория, населенная ими, именуется как «страна псеханов» (163, с.608; 275, с. 201-204) – скорее всего адыгского «псыхъуэ»/»псухо» («речная долина») – традиционно крупная административно-территориальная единица у адыгов.

Определенную роль в дальнейшем усилении влияния зихов на соседние племена сыграло и то, что во II в. н.э. их вождь Стахемфак установил связь с римлянами и признал себя подданным римского императора. В ту эпоху непрекращающихся передвижений племен важно было иметь поддержку со стороны могущественных покровителей, какими были тогда римляне. Что же касается вассальной зависимости, то она была чисто символической и носила скорее всего формальный характер.

Именно об этом свидетельствуют более поздние письменные источники. Так, Прокопий Кесарийский в середине VI в. н.э. писал, что "в древности этим зихам римский император назначил царя; теперь же эти варвары ни в чем не повинуются римлянам" (266, с.383).

Эти сведения говорят о том, что зихи к середине I тысячелетия н.э. значительно усилились, и они расширили свою территорию, объединяя соседние племена. Тот же Прокопий Кесарийский указывает, что "по берегу же Понта Евксинского (Черного моря) утвердились зехи (зихи)". Расширение зихами своей территории и подчинение ими других многочисленных племен лучше всего отразил один из древних авторов V в. н.э., имя которого осталось неизвестным (иногда его называют Псевдо-Арриан). Он писал: "От Старой Ахэи (ныне Туапсе) до старой Лазики (устье р. Нечепсыхо) и затем до р. Ахэунта прежде жили народы носившие имена: инниохи (гениохи), кораксы, колики, меланхлены, колхи и лазы, а ныне живут зихи... от гавани Пагра (возможно нынешний Новороссийск) до Старой Ахэи прежде жили так называемые ахейцы, а ныне живут зихи" (13, с.178).

Так постепенно адыгское объединение, возглавляемое зихским племенем, к середине VI в. н.э. достигло района Нижней Кубани, поглотив многие племена, в том числе родственных им ахеев, а к VII в. включило в свой состав и другие более мелкие адыгские племена, обитавшие на черноморском побережье вблизи Кубанской дельты.

Византийский летописец Феофан, живший во второй половине VIII и начале IX в. упоминает "Зикхию" как значительную страну на восточном берегу Черного моря. Относительно хорошо осведомлен о Зихии и византийский император Константин Багрянородный (около 950 г.), который писал, что от города "Таматархи (современный Тамань) на

расстоянии 18 или 20 миль есть река Укрух (южный рукав Кубани), которая отделяет Зихию от Таматархи. Зихия простирается на расстоянии 300 миль от Укруха до реки Никопсиса (Нечепсыхо, северо-западнее Туапсе)... Морской берег Зихии имеет острова, населенные и возделанные зихами" (30).

Таким образом, территория Зихии к X веку уже была довольно обширной, а племенной союз зихов представлял собой крупное объединение адыгских племен. Об этом же свидетельствуют и другие данные. В частности, известно, что в VI в. зихи приняли христианство. Районы, занятые зихами-адыгами, были разделены на епархии, а таковых в Зихии известны четыре: в Фанагории, Таматархе (позднее Тмутаракань, Тамань), Зихополисе и в городе Никопсе. Больше того, в VIII – IX вв. списки православных епархий, подчиненных константинопольскому патриарху, называют "зихскими" и Боспорскую (Керченскую), и Сугдейскую (Судакскую), а также Херсонесскую (в Крыму). Даже если это было не так, то по крайней мере, существование подобных церковных списков свидетельствует о значительной роли зихского племенного союза в Северо-Восточном Причерноморье.

Считается, что зихскому племенному союзу не удалось осуществить полное объединение родственных племен Северо-Западного Кавказа. Независимо от этого, зихи сыграли большую роль в истории адыгов. Еще в XIII–XV вв. западноевропейские авторы термином "зихи" обозначали всех адыгов. Например, итальянский путешественник второй половины XV в. Джорджо Интериано, лично посетивший страну адыгов, писал: "Зихи – так называемые на языках: итальянском, греческом и латинском, татарами же и турками именуемые черкесы, сами себя называют – "адига"(4, с.46).

Все это говорит скорее всего о том, что сознание принадлежности к единой этнической общности у предков современных адыгов возникло в период возвышения зихов. Именно тогда они – как одно из адыгских племен – дали свое название всему адыгскому массиву. Имя зихов сохранилось не только в виде отдельных фамилий, но и в самоназвании адыгов. До сих пор абхазы называют адыгов *а-зыху* – *а-дзыху* (в абхазском языке *дз* соответствует адыгскому *д*). Следует отметить также, что ряд ученых разделяют мнение о том, что "зиги-зихи", "зигои" античных и византийских авторов есть искаженная передача древнего самоназвания адыгов (адыгэ).

Касоги. Наряду с именем зихи с VIII века появляется другое собирательное имя адыгов – "касог" с его вариантами "касах", "касаг", "кашак". Касоги, судя по источникам, представляли по отношению к зихам северо-восточную группу адыгских родоплеменных

объединений. Но в то же время это имя в ряде источников X – XI вв. покрывает собою весь адыгский массив Северо-Западного Кавказа. Имя "касог" получило распространение у разных народов в основном через алан – предков осетин. Осетины и по сей день называют адыгов "кесег", "кесгон", почти также как и сваны – "кашаг". Впервые касоги в форме "касогдиане" упоминается в "Хождении апостола Андрея" (VIII в.), составленном монахом Епифанием. Но возвышение касогов, очевидно, началось еще в VII в. В хорошо известной "Географии" Анания Ширакаци, где, в частности, отсутствуют сведения о зихах, к северу от страны абхазов размещены гарши и сваны, которые "живут между болгарами и Понтийским морем". В гаршах скорее всего следует видеть кашаг (мн. ч.– кашгар) – сванское название адыгов-касогов. Наряду с Зихией в X в. Константин Багрянородный упоминает область Касахия.

Более подробные сведения о касогах имеются у арабского географа Масуди (умер в 956 г.). В сочинении "Книга предупреждения и пересмотра" он называет восемь стран и народов Кавказа и среди них указывает кашагов. В другом своем труде "Лука золота и рудники драгоценных камней" Масуди помещает к западу от аланов кашаков: "По соседству с аланами, между Кабхом (Кавказские горы) и Румским (Черным) морем, находится племя по имени кашак; это племя благоустроенное... Что же касается их слабости по отношению к аланам, то она от того, что они не имеют общего царя. Известно, что если народы, говорящие их языком, сплотятся, то ни аланы, ни другой какой народ не будет в состоянии ничего предпринимать против них" (219, с.206-207)

Как видно, адыги – кашаки по представлению Масуди, весьма многочисленны и говорили на одном языке. Это важное свидетельство о том, что к X в. адыги как единая народность с единым языком и с единым самоназванием уже сформировались. Единым народом считали адыгов и русские летописи, которые начиная с X и до середины XIII в. называют их касогами.

В представлении восточных авторов и русских летописей понятие кашак-касог включало все племена адыгском общности, в том числе и зихов. Точно также в понятие зихи западные авторы включали всю касожскую часть адыгов. В этом отношении показательно, что русские источники, известия которых об адыгах основывались на информации, поступавших из Тмутаракани, соседней зихам, не знают их имена (65, с.194), что весьма странно и трудно пока объяснить. Для их обозначения они пользуются тем термином, который был известен арабам и хазарам – кашак-касоги.

Таким образом, к X в. по данным письменных источников адыги уже выступают как крупная этническая и политическая сила на Северном Кавказе. В это время они занимали значительную территорию – западную часть Северного Кавказа, Прикубанье и часть Черноморского побережья. Археологические данные же свидетельствуют, что какая-то часть адыгов продолжала жить и в верховьях Кубани, среди других племен населявших Западную Аланию. Вероятно, это были потомки адыгоязычного населения западного варианта кобанской культуры.

Хозяйство. Опустошительное нашествие гуннов, хотя и затормозило в значительной степени социально-экономическое развитие синдо-меотских племен - предков адыгов, всё же не уничтожило полностью их традиции древней культуры. Наиболее ощутимый урон был нанесен земледельческо-скотоводческому населению степного правобережья Кубани. В результате эти плодородные земли оказались занятыми кочевниками. Что же касается районов Закубанья, то здесь на протяжении всего I тыс. н.э. не было никакой смены населения и традиции культуры древних адыгов не прерывались. Многие поселения меотов, возникшие еще в последних веках до н.э. – первых веках н.э., просуществовали непрерывно до VII–VIII вв., что свидетельствует о преемственности развития раннесредневекового адыгского населения от позднемеотских племен.

Разнообразные и многочисленные археологические материалы из поселений и могильников вместе с дошедшими до нас письменными источниками дают представление о многих сторонах хозяйственной деятельности, культуры и быта адыгов в эпоху раннего средневековья, средние века.

Как уже отмечалось, в предшествующие периоды предки адыгов занимались плужным земледелием и скотоводством. В эпоху средневековья эти традиции получили дальнейшее развитие. Главным занятием по-прежнему оставалось земледелие: выращивали просо, ячмень, рожь, пшеницу. В поселениях адыгов раннего средневековья обнаружены зерновые ямы, крупные сосуды для хранения запасов, жернова, косы, серпы и изредка – лемехи. Письменные источники отмечают высокое развитие земледелия у адыгов. По словам Константина Багрянородного, в дельте Кубани находились острова, заселенные и возделанные зихами, Масуди (X в.) писал, что народ кешак (касоги), выращивал лен, который шел для местного производства высокосортного полотна.

Наряду с земледелием важную роль продолжало играть скотоводство, бывшее издавна также традиционным занятием. В поселениях адыгов часто встречаются многочис-

ленные кости домашних животных – коров, овец, коз, свиней.

Серьезным подспорьем в хозяйстве адыгов, как и ранее, оставались рыболовство и пчеловодство. Рыболовство особенно было развито у приазовских и причерноморских адыгов. В некоторых погребениях адыгов (могильник в Абрау-Дюрсо) найдено до 50 грузил для сетей.

Высокого развития достигает и *ремесленное производство*, о чем свидетельствуют материалы могильников (Борисовский, Агойский, Ново-Михайловский и др.), в которых обнаружены многочисленные предметы вооружения, конского убора и украшения, выполненные с большим мастерством.

Большую роль в экономической жизни адыгов играла *торговля*. Многочисленные материалы адыгских могильников свидетельствуют об их интенсивных торговых связях с другими народами, в том числе и заморскими. Этому в значительной степени способствовала близость причерноморских городов, ставших в средние века более активными в осуществлении торговых связей. Ассортимент ввозимых и вывозимых товаров и предметов был весьма разнообразен. Из Византии поступала керамика, шелковые ткани, стеклянные сосуды, различные украшения; из Ирана и Дагестана – кольчуги, шлемы и холодное оружие; из стран Востока (Средняя Азия, Индия) привозились дорогие шелковые ткани, бусы из полудрагоценных камней. Предметы христианского культа поступали главным образом из Византии, Руси и Грузии. Предметы роскоши оседали в основном в руках племенной знати, феодализирующейся верхушки адыгского общества. Масуди отмечает, что кешаки носят одежду не только из своих, но и из привозных тканей "румской (византийской) парчи, пурпура и иных шелковых материй, затканых золотом". Находки привозных вещей (фрагменты тканей, стеклянной посуды, украшений, а также монет и т.д.) в адыгских погребениях подтверждают сообщения письменных источников.

Если в предшествующие времена внешний обмен совершался главным образом через греческих купцов, то теперь сами адыги часто предпринимают торговые поездки в чужие земли. Причем торговля теперь велась не только по суше, но и по морю. Масуди писал, что выделяемая в стране кешаков (адыгов) полотняная ткань "тала", очень прочная и нежная и превосходит по своим качествам арабскую ткань "дибаки". Поэтому она очень ценится (до 10 динаров) на иноземных рынках. Далее он же указывает, что среди многочисленных иноземных купцов, съезжающихся в Трапезунд, часто бывают торговцы из страны Кешк (адыгов-касогов), причем они приплывают туда на кораблях, которые

снаряжаются у них.

Взаимоотношения адыгов с другими народами. Северокавказские степи отличались в древности той особенностью своей исторической судьбы, что они были как бы дорогой, по которой проходили кочевники из Азии, проникая в зависимости от обстоятельств более или менее прочно и глубоко в предгорья Кавказа.

Обилие в степях кочевых племен, готовых в любую минуту обрушиться, создавало постоянную напряженность, требовали постоянной готовности к отпору и вело к консолидации соплеменников. Таких суровых испытаний выпадало на долю адыгов в средние века немало. Мы уже знаем, что тогда в северокавказских степях активную военную политику по отношению к своим соседям вели гунны, болгары, сабиры, авары, хазары, печенеги, половцы и др.

Нельзя сказать, что отношения адыгов с ними были только враждебными. Со временем между ними устанавливались и вполне дружеские отношения. Часть кочевников оседала и на землях адыгов. Тогда завязывались тесные контакты и происходил оживленный обмен культурными ценностями, что подтверждается и археологическими данными.

К сожалению, письменных известий о взаимоотношениях адыгов с болгарами, печенегами и половцами почти неизвестно. Но о том, что их кочевья вплотную доходили до земель адыгов, имеется много сведений. Пограничной рекой чаще всего была Кубань, хотя она и не была непреодолимой как в ту, так и в другую сторону.

Некоторые предания и песни, записанные Ш. Ногмовым еще в первой половине XIX в., указывают на военные столкновения адыгов с гуннами, аварами и хазарами. Отдельные ученые слишком неоправданно сомневаются в достоверности этих фольклорных данных: несмотря на значительную детализацию и искажения, они содержат и рациональное зерно. Существуют, наконец, и письменные подтверждения, указывающие, что мотивы преданий были порождены действительными историческими событиями.

Адыги и Хазары. Ш. Б. Ногмов приводит предание о войне адыгов с хазарами (240, с.97 и сл.). Действительно, отношения адыгов с Хазарским каганатом, распространившим свое владычество в северокавказских степях, включая приазовские и прикубанские степи, а также Таманский полуостров, были весьма сложными. Почти все северокавказские племена платили дань хазарам. В сохранившемся письме хазарского кагана (царя) X в. Иосифа кордовскому халифу приводится подробный перечень данников Хазарии. Среди них упомянуты и "жители страны Каса" (кашаки-касоги), которые "платят дань". События, о

которых в нем говорится, относятся к более раннему времени, главным образом к периоду наивысшего расцвета Хазарского каганата (VIII– IX вв.). В начале 60-х гг. X в., когда составлялось письмо Иосифа, Хазария уже переживала закат своего могущества. Так называемый анонимный "Кембриджский документ" первой половины X в. упоминает народы, которые в то время воюют с хазарами. Среди них, рядом с аланами, указан и "народ Зибус", имя которого, по мнению специалистов, записано в искаженном виде и его следует читать как "Зикус", то есть зихи-адыги (см.65, с.191; 66, с.72).

Как видно, предание, о котором говорит Ш. Б. Ногмов, имеет определенную почву. Далее, как он писал, адыги во главе с князьями Безруко Болотоковым и Алегуко (Алыджыкбуэ) Канжовым участвовали в штурме и взятии хазарской крепости Саркел (в низовьях Дона). Правда, в предании смешались некоторые события и факты (штурму предшествовало сражение адыгов с татарами, которые затем заключили мир и выступили совместно против хазар), что отмечает и сам Ш. Б. Ногмов, совершенно справедливо увязав взятие Саркела дружинами русского князя Святослава (240, с.97-99).

Как уже известно, последний удар Хазарии нанесла Русь. И произошло это в 965 г. Согласно русским летописям, в том году "пошел Святослав на хазар. Услышав это, хазары вышли навстречу во главе со своим каганом и сошлись биться, и в битве одолел Святослав хазар и город их Белую Вежу взял. И победил ясов и касогов". Некоторые ученые буквально воспринимают ту последовательность событий, какой следует летописец и поэтому считают, что взятие Белой Вежи (Саркела) на самом деле предшествовало победе над ясами (аланами) и касогами (адыгами). Но известие летописца значительно уточняется и дополняется данными арабского автора Ибн-Хаукаля (70-е гг. X в.). Как он рассказывает, русы во время этого похода разгромили столицу Хазарии Итиль (в низовьях Волги). Далее Святослав взял их город Семендер (в районе Махачкалы), после чего он и отправился на запад. Здесь-то, по пути из Северного Дагестана по Предкавказью, произошло столкновение войск Святослава с аланами-ясами и адыгами-касoгами. Считается, что тогда же и произошло покорение Таматархи (совр. Тамань), на месте которой позднее возникло Тмутараканское русское княжество. И, наконец, из страны адыгов-касогов, т.е. от низовьев Кубани, Святослав двинулся на Дон, где состоялся штурм и взятие хазарской крепости Саркел (66, с.55-57). Вот об этом-то событии, скорее всего, рассказывается в предании и песне, записанных Ш. Б. Ногмовым. Но достоверно ли участие адыгских воинов во взятии Саркела? На этот вопрос можно ответить утвердительно. И есть данные, которые это под-

тверждают. Во-первых, разгром Хазарского каганата, с которым воевали адыги и которому платили они дань в период его былого могущества, был им на руку и освобождал их от врага. Во-вторых, Новгородская летопись свидетельствует, что после завершения этого похода Святослав вернулся в Киев и привел с собой многих ясов и касогов (65, с.73). Некоторые ученые считают, что это были военные отряды, которые Святослав привлек для участия в ожидавшемся походе на дунайских болгар.

Адыги и Русь. В дальнейшем на Таманском полуострове завязывается узел адыго-русских взаимоотношений, полных временами противоречий. Большую роль в этом сыграло образование Тмутараканского княжества, которое охватывало Таманский полуостров, Восточный Крым и, возможно, низовья Кубани. Центром княжества была Тмутаракань (древняя Таматарха, современная Тамань), Тмутаракань попала под власть Древнерусского государства в результате похода Святослава в 965 г.

В 988 г. великий князь Владимир, распределяя земли Древнерусского государства между своими сыновьями, отдал Тмутаракань в управление младшему из них – Мстиславу. На территории княжества проживали адыги-касоги, греки, русы, хазары, аланы и др.

Стараясь укрепить и расширить свои владения, князь Мстислав в 1022 г. предпринял поход против адыгов-касогов. Как свидетельствуют русские летописи, он в единоборстве одолел касожского князя Редедию и, по условиям поединка, наложил дань на касогов, забрал с собой семью Редеди – жену и двух сыновей. Сыновья были крещены. Мстиславом и получили имена Романа и Юрия. Впоследствии Роман женился на дочери Мстислава Владимировича. И, как указывается в более поздних (XVI – XVII вв.) родословных преданиях, русские дворянские фамилии Лопухиных, Белоутовых, Глебовых, Сорокоумовых, Ушаковых (предки знаменитого флотоводца) и др. возводили свое начало к Роману и Юрию Редедичам.

Память о поединке Редеди с тмутараканским князем сохранилась и в адыгском предании. Оно было записано Ш. Б. Ногмовым (240, с.101, 102) и довольно сходно с летописным рассказом, с той лишь разницей, что здесь инициатива столкновения приписывается адыгам, выступившим в поход на "Тамтаракай" (так адыги называли Тмутаракань).

На следующий год после этого поединка Мстислав с хорошо вооруженной дружиной, состоявшей из хазар и касогов-адыгов, пошел на Чернигов, где в жестоком сражении нанес поражение своему брату – великому князю Ярославу Мудрому. С помощью той же дружины он добился в 1025 г. раздела Руси на две части: западная от Днепра с Киевом

досталась Ярославу, а себе оставил восточную и остался княжить в Чернигове. По летописи, Мстислав души не чаял в своей дружине и ничего не жалел для неё.

Тмутараканское княжество в середине XI в. держало в определенной зависимости часть адыгского населения. Под 1066 г. русская летопись отмечает: "Ростиславу соушу Тмутараканю и емлюшу дань су касог и су иных стран".

Но на горизонте уже маячили грозные силы половцев. Во второй половине XI в. они захватили южнорусские и северокавказские степи, под их давлением территория княжества постепенно сокращается.

В начале XII в. Русь потеряла Тмутаракань. Очевидно, в этих событиях свою роль сыграли и адыги. Если верить преданию, то адыги предпринимали неоднократные попытки отомстить за смерть Редеди и ходили войной на тамтаракайскую землю. В конце концов, говорится в предании, адыгам удалось "победить и разорить всю область Тамтаракайскую". "С этого времени, – указывает Ш. Б. Ногмов, – ведется у адыгов пословица: *Тамташкьей уыхъу, Тамтаркьей йымахуэр кьыпхыуклуэ* (" Да постигнет тебя участь Тамтаракая", "Да настигнет тебя день Тамтаракая" (240, с.102).

Адыго-русские взаимоотношения в период существования Тмута-раканского княжества не ограничивались только военными столкновениями или союзническими связями. Они оставили отчетливый след в культуре обоих народов.

Адыги и Аланы. Восточными соседями адыгов в эпоху раннего средневековья являлись аланы, с которыми они, как мы уже знаем, установили еще в первых веках н.э. союзнические отношения. Но в период раннего средневековья, по мере роста могущества алан и формирования их раннефеодального государственного образования, отношения адыгов с ними становятся более натянутыми. Об этом свидетельствуют ранне-средневековые авторы, писавшие о Северном Кавказе. Но адыги и аланы на поле боя встречались чаще не как враги, а как союзники. Согласно сообщениям русских летописей и адыгским преданиям, адыги-касоги и аланы-ясы против общего врага всегда выступали совместно. Возможно, этому способствовало и то, что на территории Западной Алании почти вплоть до монгольского нашествия проживала и какая-то часть адыгского населения, которая оказала значительное воздействие при формировании дигорских осетин и на их язык.

Глава 7. Культура и быт адыгов в IV– XII вв.

Поселения и жилища. Наиболее характерными поселениями адыгов в период раннего

средневековья вплоть до монгольского нашествия были неукрепленные селища, занимавшие надпойменные террасы притоков Кубани и плато недалеко от рек, впадающих в море. Большинство из них возникло в V–IX вв. Однако часть адыгов продолжала жить и в довольно крупных городищах (Кошехабльское, Таманское, Гатлукайское, Тахтамукайское, Ново-Вочепшийское, Пшикуйхабльское и др.). Частично возникшие еще в мезолитское время, многие из них просуществовали до VIII–IX вв. Такие городища обычно состоят из цитадели (холмообразного укрепления, окруженного глубоким кольцевым рвом или валом) и прилегающего к ней поселения, лишь изредка, также обнесенного рвом. Цитадель являлась местом жительства феодализирующей верхушки адыгского общества, тогда как рядовые общинники заселяли примыкающие к цитадели поселения.

В период средневековья наиболее распространенным у адыгов являлись прямоугольные турлучные и глинобитные дома, возведенные как на каменном фундаменте, так и без него. Крышу крыли соломой, камышом или осокой. Пол был земляной обмазанный глиной. Печи – небольшие, глинобитные, иногда на каркасе из прутьев, хотя характерным был и открытый очаг.

Строили адыги также саманные и каменные дома. Каменное домостроительство, крепости, храмы и другие сооружения адыгов известны на Черноморском побережье. В частности, Масуди писал, что адыги, используя каменные укрепления, построенные на берегу моря, с успехом отстаивали свою независимость от алан.

Одежда. Об одежде адыгов, как и других народов Северного Кавказа периода раннего средневековья рассказывают археологические находки. Самым ранним могильником, в котором сохранились значительные остатки одежды, является могильник Мошевая Балка (VIII–IX вв.), расположенный на р. Большая Лаба. В этом районе проживало смешанное население, в состав которого входили аланы и адыги. В могилах Мошевой Балки найдены комплекты мужской, женской и детской одежды. Костюмы состояли из головного убора, верхней и нижней плечевой одежды, штанов, чулок, ноговиц и обуви.

Изготавливалась одежда из самых разных материалов, в зависимости от материального достатка. Например, в Мошевой Балке обнаружены кафтаны: один из дорогой шелковой ткани, подбитый беличьим мехом; льняные, подбитые овчиной, а также из простой

мешковины (267, с.66).

Тот же Масуди писал, что адыгские женщины "одеваются в белое, в римскую парчу, в ярко-алую ткань и в различные парчовые ткани, затканые золотом". По его же словам адыги носили платья и из домотканого льняного полотна ("тала") собственного производства.

Основная масса мужской верхней плечевой одежды, судя по материалам Мощевой Балки, была туникообразной, длиннополой, распашной с прямым срединным разрезом ворота. Были и короткие – несколько ниже талии, слегка приталенной с расширяющимся к низу подолом и двумя глубокими боковыми разрезами. Застежка находилась в верхней части и состояла из симметрично расположенных на полах трех или четырех полос галуна, к концам которых пришивалась пуговка, обтянутая тканью. Пуговицы располагались на левой поле, а петельки на правой. Кафтаны носили с кожаным поясом, под верхнюю плечевую одежду надевалась нижняя, в виде сшитого из ткани халата. Штаны сшивались из двух половин. Материалом служила кожа или шелк. Шапки мужские были шлемообразной формы и островерхие, типа колпака.

Необходимой принадлежностью одежды являлись пояса, которые представляли собой кожаные или шелковые ленты с металлическим набором (пряжка, наконечник, обоймица, бляшки и др.). Набор изготовлялся из серебра, реже – золота и украшался ажурным орнаментом. К поясу подвешивалось оружие и различные предметы (кисет с огнивом и бритвой, оселок и т.д.), необходимые в походе. В редких случаях употреблялись целиком металлические из бронзы и реже из золота пояса-цепи.

Народное искусство. Необходимым дополнением и важным элементом в комплексе мужской и женской одежды входили оружие и украшения. Археологические материалы свидетельствуют, что в изготовлении оружия и различных украшений адыгские мастера достигли больших успехов.

Особого расцвета с X века достигает художественная обработка металлов. Значительно совершенствуются в это время такие приемы, как чеканка, тиснение по металлу, гравировка. Широкое распространение получает, искусство чернения, возникшее в раннем средневековье. При изготовлении- некоторых видов оружия, различных предметов большое внимание уделяется не только боевым качеством и практической надежности, но и внешнему художественному оформлению, отвечающему самому взыскательному вкусу. Таковы, например, сабли, наборные пояса и другие предметы из Колосовского (X - XII

вв.).могильника в Адыгее.

Глава 8.Адыги в XIII-XV вв.

8.1. Татаро-монгольское нашествие

В начале XIII века адыги Северо-Западного Кавказа переживали очередную политическую консолидацию. Она была стимулирована взятием крестоносцами Константинополя и падением в 1204 г. византийской императорской династии Ангелов, когда адыгам удалось вновь включить Тмутаракань в свою политическую систему, во главе которой стоял верховный князь, одновременно являвшийся и архонтом города (66, с.124).

Однако этот важнейший процесс, как и историческое развитие других этносов Северного Кавказа, было нарушено татаро-монгольским нашествием. В 1220 г. 30-тысячный монгольский корпус под командованием Джэба и Субэдея вторгся в Закавказье. Опустошив часть Грузии, в 1222 г. монголы прошли на Северный Кавказ через горные ущелья Дагестана.

Аланы и кочевавшие в Предкавказье половцы/кыпчаки, заключив союз, выступили против врага. И, как свидетельствует персидский историк Рашид ад-дин (1247–1318 гг.) "никто из них не остался победителем". Воспользовавшись передышкой, предводители монголов пошли на хитрость, чтобы расколоть союз аланов и половцев/кыпчаков. С этой целью они обратились к кыпчакам: "Мы и вы – один народ и из одного племени, аланы же нам чужие: мы заключим с вами договор, что не будем нападать друг на друга и дадим вам столько золота и платьев, сколько душа ваша пожелает, (только) представьте их (алан) нам" (268, с.220). Таким образом, участь алан была решена. Прельстившись на подарки у обещанный мир половцы/кыпчаки разошлись по своим кочевьям, оставив аланов одних, монголы "одержали победу над аланами, совершив все, что было в их силах по части убийства и грабежа" – заключает Рашид ад-дин. Но измена половецких/кыпчакских ханов дорого обошлась им и их соплеменникам. Монголы нагрянули на них внезапно, убивая всякого, кого находили "когда они полагаясь на мирный договор, спокойно разошлись по всем областям". Застигнутые врасплох, половцы бежали без боя, часть из них рассеялась, часть ушла за Днепр и в приазовские степи, "большинство же их собравшись, направились к Дербенту Ширвана" (132, с.191-192).

Преследуя половцев/кыпчаков, монголы овладели городом Судак в Крыму, затем

дошли до Дона, забирая у местного населения все необходимое для себя. Поддавшись просьбе половцев о помощи, русские войска выступили навстречу монголам. Русско-половецкое войско численностью до 80 тыс. ратников, преследуя отступавших монголов до р. Калки, вынудило их 31 мая 1223 г. принять бой, но было наголову разбито, после чего монголы ушли на восток. Однако при переправе через Волгу они натолкнулись на засаду волжских булгар и потерпели поражение так, что в Монголию вернулись лишь немногие (84, с. 501).

Скорее всего, в тот период монголы столкнулись и с адыгами, поскольку русский летописец под 1223 г. записал: "...и мы слышахом яко многы страны поплениша. Ясы, Обезы, Касоги и Половец безбожных множества избита и инех загнаша и тако измориша убиваемы..." (131, с.196). Однако поход 1222–1223 гг. оказался лишь разведывательным и не преследовал территориального захвата.

К планомерному завоеванию Северного Кавказа татаро-монголы приступили одновременно с походом на Русь, в 1237 г. Источники сообщают, что в том же году "Менгукаан и Кадан пошли походом на черкесов и зимою убили государя тамошнего по имени Тукара" (268, с.39). Считается, что этот поход не был заурядным набегом, поскольку он длился несколько месяцев, а во главе его стояли крупные военачальники, двоюродные братья хана Бату (132, с.193). Следовательно, адыги (черкесы) упорно сопротивлялись врагу, хотя упоминание о гибели адыгского (черкесского) государя может говорить о поражении.

Не менее упорное сопротивление оказали и аланы, на которых двинулись завоеватели с осени 1238 г. В течение 10 месяцев продолжалось завоевание Алании. Штурмом после полуторамесячной осады был взят крупнейший город Магас – столица Алании. Это был удар для Алании, которая, раздираемая междоусобицей, не смогла выставить объединенное войско и была разбита.

В результате военных действий 1237–1240 гг. татаро-монголы захватили значительные территории Северного Кавказа. Современники походов татаро-монголов отмечают, что хану Бату удалось покорить "рус, черкес и ас до моря Мраков". Тем не менее, повсеместного покорения населения татаро-монголам не удалось осуществить. Об этом свидетельствуют письменные источники. Например, французский посол Вильгельм Рубрук, отправленный в 1253 г. Людовиком IX в Монголию, отмечал, что "Зикия не повинуется татарам" и что "черкесы и аланы или аас... все еще борются против татар". В то же время

Рубрук свидетельствует, что адыги и аланы приезжают в ставку монгольского хана Бату и "привозят ему подарки" (4, с.36). Следовательно, часть адыгов и алан вынуждена была признать над собою верховную власть Золотой Орды и платить дань, тогда как другая часть все еще продолжала борьбу. Такое положение отмечается почти до середины XIV века. Все это заставляло татаро-монголов держать в определенных районах Северного Кавказа крупные силы, а временами даже проводить крупномасштабные карательные экспедиции против свободолюбивых горцев. Как это было, например, в 1277/1278 гг., когда монголы и подвластные им русские отряды взяли штурмом и сожгли аланский город Дедяков, располагавшийся, по мнению ученых либо на берегу Сунжи, либо в Верхнем Джуглате (у сел. Эльхотово в Осетии). Подобные акции были ответом на антимонгольские выступления, поскольку Золотая Орда удерживала в своей системе покоренные этносы именно угрозой нападения: "Черкесы, русские и ясы не в силах сопротивляться султану этих стран и потому (живут) с ним как его подданные, хотя у них и есть цари. Если они обращались к нему с повиновением, подарками и приношениями, то он оставлял их в покое, в противном же случае делал на них набеги и стеснял их осадами" (303, с.231).

Характерно, что со времени гибели адыгского (черкесского) государя Тукара в 1237 г. и до 20-х годов XIV века в источниках отсутствуют сведения о кровопролитных сражениях между адыгами и татаро-монголами. Византийский историк второй половины XIII в. Георги Пахимер писал, что "с течением времени соседние (с монголами), обитавшие в тех странах племена, каковы аланы, зихи, готы, руссы и многие другие, изучив их язык и вместе с языком, по обычаю, приняв их нравы и одежду, сделались союзниками их на войне" (72, с.317).

Вместе с тем необходимо отметить, что основными соперниками монголов на Северном Кавказе оказались аланы, владевшие важными перевальными путями через Кавказский хребет и половцы/кыпчаки – изначальные враги, против которых собственно и были предприняты первые походы монголов (84, с.499 и сл.). Их разгром способствовал изменению на Северном Кавказе не только культурной доминанты, но и политической. Положительная этническая комплиментарность, установившаяся между татаро-монголами и адыгами-черкесами, позволила им обрести свою нишу в системе Золотой Орды, что произошло уже во второй половине XIII в. Со времени правления в Орде Токта-хана (1290-1312 гг.) наряду с аланами, русскими, кыпчаками источники регулярно упоминают и о черкесских (адыгских) отрядах в составе, татаро-монгольских войск. По имеющимся

сведениям, Токта-хан в свое время отдал на воспитание адыгским князьям своего малолетнего племянника-царевича Узбека (126, с.193). В 1312 г. Узбек, отравив Токту-хана, узурпировал власть в Золотой Орде и объявил ислам её государственной религией (84, с.537). Естественно, что в силу принципов института аталычества, часть адыгов приняла самое активное участие в узурпации престола Узбеком и в последовавшей затем борьбе по упрочению своей власти. Глухие сведения в источниках о войне хана Узбека с черкесами, в 20-х годах XIV в., во время которой один из предводителей монгольского войска Хасан был либо убит, либо смертельно ранен (304, с.92,143), возможно связаны с попыткой расправиться с той группировкой адыгов, которая не поддержала восшествие Узбека на престол. Характерно, что в период правления Узбек хана (1312–1342 гг.), при котором Золотая Орда достигла наибольшего могущества, в столице Сарае был черкесский квартал. Арабский путешественник Ибн-Батута, побывавший в 1333 г. в Сарае писал, что он – "один из красивейших городов... В нем живут разные народы, как-то: монголы – это настоящие жители страны и владыки её, некоторые мусульмане; асы, которые мусульмане, кыпчаки, *черкесы* и русские и византийцы... Каждый народ живет в своем участке отдельно; там и базары их" (304, с.156). В этой связи интересно, что кабардинские исторические предания сохранили сведения о пребывании их в Сарае (каб. "Щэрау") и их возвращении (6).

Во второй половине XIV в. начался упадок Золотой Орды. Разразился острый политический кризис, растянувшийся на два десятка лет. С 1359 г. началась "великая замятня" – смена ханов, многие из которых правили меньше года. В этот период на какое-то время трон Великого хана занял Хаджи-Черкес (1367 г.). Сильнейший удар Золотой Орде был нанесен в 1380 г. на Куликовом поле, когда войско Мамаю, среди которых были нанятые им адыги (*черкесы*), было разгромлено.

8.2. Нашествие Тимура

Былое величие Золотой Орды пытался восстановить молодой хан Тохтамыш, который при поддержке могущественного властителя Средней Азии Тимура (Тамерлана), сумел захватить власть. Собрав значительные силы, куда входили также адыги-черкесы, Тохтамыш стал проводить активную внешнюю политику. Он совершил несколько походов на Русь и в Закавказье, но вскоре его претензии на восстановление мощи Золотой Ор-

ды столкнулись с не менее честолюбивыми намерениями Тимура, претендовавшего на мировое господство.

Решающее столкновение двух противников произошло 15 апреля 1395 г. в районе междуречья Куры и Терека, известного кабардинцам как "Къурей губгъуэ" (Курей поле). Битва завершилась полным поражением войск Тохтамыша, на стороне которого воевали и адыги (черкесы). Сам Тохтамыш бежал. Преследуя его, Тимур вторгся в Крым, затем разорил рязанские земли и захватил Азак (Азов).

В начале осени 1395 г. Тимур выступил из Азака и во главе огромной армии приступил к планомерному завоеванию Северного Кавказа. Первый удар он направил против западных адыгов (черкесов). У Тимура были особые счеты с адыгами: ведь они были союзниками Тохтамыша. Видя бесполезность прямого столкновения с огромной армией Тимура, адыги-черкесы прибегли к военной хитрости. Как писал персидский автор первой половины XV в. Низам-ад-Дин Шами, они сожгли все луга между Азаком и Кубанью. В результате этого от бескормицы погибло много скота обоза и лошадей в армии Тимура. Само войско вынуждено было изменить маршрут и двигаться вдоль Азовского моря. Здесь оно, как свидетельствует Шами, "перенесло много страданий и с трудом перешло через реки, топи и болота" и лишь через семь-восемь дней смогло подойти к Кубани. Разгневанный Тимур направил против адыгов-черкесов большую карательную экспедицию во главе со своим внуком Мухаммед-Султаном, мирзой Миран-шахом и опытным полководцем Джехан-шахом-Бахадуром (304, с.122). Этот набег описан у персидского автора Шереф-ад-Дина Йезди. По его словам посланные войска "опустошили и ограбили эту область до берегов Франкского моря, называемого морем Азакским. Разорив левую и правую сторону тех степей до подножия гор и до берега моря... с несметной добычей и громкими победами они прибыли в высочайшую орду" (304, с.180-181). Как видно, карательная экспедиция Тимура воздержалась от глубокого проникновения в горные районы, где, скорее всего, нашло убежище адыгское население. Разорены были главным образом поселения адыгов, располагавшиеся вдоль реки Кубани, в ее низовьях и от предгорий Кавказского хребта до Азовского моря. В источниках отсутствуют сведения и о многочисленных истреблениях людей, как это имело место на Центральном и Северо-Восточном Кавказе.

Далее источники сообщают, что Тимур направился в верховья Кубани, где были разгромлены владения асских правителей Буриберди и Буракана, Кулу и Тауса, располагавшихся в горных районах нынешней Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии. Согласно

письменным источникам отряды Тимура "в горных укреплениях и защищенных ущельях" встретили ожесточенное сопротивление горцев. Но силы не были равны и войска Тимура "истребили многих из тех неверных... разорили их крепости" и захватили много добычи. Имеются данные, что здесь сам Тимур "с целью джихада (война за веру) взошел на гору Эльбрус" (304, с.180-181), что может быть преувеличением со стороны летописцев Тимура.

Разорив эти области, Тимур направился во владения Пулада, где скрывался один из главных полководцев Тохтамыша – Утурку. Пройдя через местность Балкан (предположительно Черекское ущелье), войска Тимура двинулись на крепость Кабчигай, находившуюся в "чрезвычайно недоступном ущелье". По мнению ученых, возможно, эта крепость располагалась в районе сел. Верхний Чегем (132, с.216). Несмотря на упорное сопротивление, Тимур взял крепость и сжег её. Утурку – полководец Тохтамыша – бежал в района Эльбруса "в местность Абаса" (Абаза), где и был схвачен в плен (304, с.123,183).

Больше года Тимур потратил на поход против Тохтамыша. Из этого времени он около восьми месяцев провел на Северном Кавказе. Огнем и мечом прошелся он и по Северо-Восточному Кавказу. Кровопролитный поход Тимура оставил глубокий след в памяти народов Северного Кавказа.

8.3. Образование Кабарды

Монголо-татарское завоевание и нашествие Тимура надолго прервали консолидационный процесс адыгской общности и привели ее к дезинтеграции. Эти события сыграли крайне отрицательную роль в судьбах всех народов Северного Кавказа.

В период монголо-татарских завоеваний в источниках появляется новое имя для обозначения адыгов – *черкес*. Этот термин в форме "джаркас" впервые упоминается в египетских хрониках XII в., а в форме "серкесут" – в 30-х годах XIII в. в монгольской хронике "Алтай тобчи" ("Золотое сказание"). Впоследствии имя черкес становится широко известным во всех восточных (арабских и персидских) и западноевропейских источниках. К 30-м г. XV в. оно прочно утверждается для обозначения адыгов. С этого же времени Страна адыгов в источниках именуется Черкесией. Происхождение термина "черкес" объясняется по-разному. Ряд ученых связывает его с этнонимом меотского племени керкетов (см.166, с.156). Другие же считают, что это имя возникло в тюркоязычной среде (132,

с.36).

Трагические события XIII-XIV вв. вызвали также перемещения и смешение племен и народностей разного происхождения. В результате существенно изменилась и этнополитическая карта Северного Кавказа.

К числу важнейших процессов того времени относится расселение определенных адыгских групп к северу от Кубани, в Восточное Приазовье, а также на восток – в районы Пятигорья и бассейн р. Терек.

Принято считать, что главной причиной такого расселения была возросшая потребность в пастбищах в условиях развития феодальных отношений и междоусобная борьба феодализирующей верхушки адыгского общества (129, с.81).

С этим процессом связывается и завершающий этап образования самостоятельной политической единицы Кабарды и формирования кабардинского субэтноса.

Некоторые авторы полагают, что расселение адыгов на восток было длительным процессом, охватившим время с первых веков н.э. до X IV–XV вв. и протекавшим в несколько этапов. Другие утверждали, что он начался в XII в. и завершился во второй половине XIII – начале XIV в. (132, с.198). По представлению этих ученых, первым свидетельством появления адыгов на Центральном Предкавказье являлся Этокский памятник (так называемая, статуя «Дука-Бека»), на котором имеется греческая надпись, сделанная на адыгском языке (66, с.149-157; 155а; 312а, с.109-113).

Особую популярность в последнее время среди большинства археологов приобрело мнение о том, что временем массового расселения адыгов в центральной части Северного Кавказа является конец XIV – начало XV века, поскольку именно лишь тогда получает широкое распространение в данном районе адыгские (кабардинские) подкурганые захоронения (132, с.236,237).

Вместе с тем необходимо отметить, что утвердившееся мнение о столь сравнительно позднем появлении адыгов на этой территории (132, с.198) находится в определенном несоответствии с данными антропологии и адыгских языков.

По определению антропологов, восточные адыги (кабардинцы) по своему внешнему облику и физическим особенностям относятся к кавкасионскому типу, что отличает их от западных (адыгейцев) – представителей понтийского типа. В этом отношении кабардинцы оказываются значительно ближе к осетинам, балкарцам и карачаевцам, чеченцам и ингушам, относящимся также к кавкасионскому типу европеоидной расы.

Принадлежность кабардинцев и черкесов к кавкасионскому типу по мнению известного советского антрополога В. П. Алексеева, свидетельствует об их связи и преемственности с древним населением Центрального Предкавказья. Он считает, что эта преемственность "восходит по меньшей мере к эпохе поздней бронзы – началу раннего железа" (9; 10, с.94).

С выводом антропологов в какой-то степени перекликаются и данные адыгских языков. Различия между западными (адыгейскими) и восточными (кабардинскими) диалектами возникли не только лишь с XIV–XV вв., а отражают гораздо более длительный период времени.

Все это свидетельствует о том, что еще недостаточно изучен вопрос о древнеадыгском населении I тысячелетия до н.э., которое приняло участие в оформлении особенностей западного локального варианта кобанской культуры. На протяжении веков оно ассимилировалось различными племенами ирано и тюркоязычного происхождения и явилось одним из компонентов при формировании осетинского (особенно дигорцев) и балкарско-карачаевского народов. Но не исключено, что какая-то его часть устояла от ассимиляционных процессов и затем влилась в состав группы адыгов, появившихся в предгорьях Центрального Предкавказья значительно позднее. Скорее всего так можно объяснить отмеченные особенности физического типа восточных адыгов, их языка, а также сравнительно быстрое становление и развитие, кабардинского субэтноса. Заметим, что процесс формирования "осетин протекал на территории, которую до появления скифов занимали племена кобанской культуры предположительно абхазо-адыгского этноязыкового круга, часть которых была ассимилирована скифо-сармато-аланами" (63, с.64). Они оставили значительный след в языке и культуре осетин, особенно дигорцев. По мнению В. И. Абаева, этноним "дигор" восходит к племенному названию "адыгэ".

Название "Кабарда" знают источники с середины XV века. Впервые оно упоминается у венецианца Иосфата Барбаро (в 1436–1452 гг. находился в г. Тане-Азове) в форме "Кевертей" уже как устоявшееся название восточных адыгов (4, с.42). По его сведениям кевертеи были непосредственными соседям "асов или аланов" (осетин).

Предание связывает происхождение термина "Къэбэрдей" с именем адыгского владельца Кабарда (6). Окончание *-ей* в слове "Къэбэрдей" является показателем принадлежности: "Къэбэрдей" - то, что принадлежит Къэбэрдею (т. е. Кабардово). Существуют, однако, разные мнения об этимологии *Къэбэрдей* [об этом см. раздел «Этнонимия» АЭ].

Первоначально название "Къэбэрдей" (Кабарда) относилось к одному из феодальных уделов восточной части адыгов и служило только в качестве его географического обозначения. Этот удел или историческая Кабарда, по представлениям самих кабардинцев, соответствует той территории, которая значительно позднее стала известна в русских источниках сперва под названием Казыева, а затем так называемая Большая Кабарда. Таким образом, с самого начала, этот термин обозначал территорию, а не жителей ее населяющих, которые продолжали сами называть себя по-прежнему "адыгэ". Именно так воспринимали первоначальный смысл термина Кабарда некоторые соседние народы. Например, балкарцы именовали кабардинцев *Черкесле*, а их землю – *Къабарты*. В русских же источниках до XVII в. для обозначения восточных адыгов наряду с наименованием "пятигорские черкесы" употреблялось название "кабартынские черкесы". Такое расширительное понимание термина применительно ко всем восточным адыгам возникло задолго до того, как оно впервые нашло отражение в сочинении И.Барбаро. Это было следствием распространения политического влияния исторической Кабарды на остальные феодальные уделы восточных адыгов.

В XV в. Кабарда еще формально продолжала оставаться в зависимости от монголо-татар. Правда, к середине этого столетия Золотая Орда распалась, и на ее развалинах возникло несколько новых образований: Ногайская орда, Казанское, Астраханское, Крымское ханства. Однако это обстоятельство не устранило угрозы вражеских набегов. Интериано отмечал, что адыги "постоянно воюют с татарами, которые окружают их почти со всех сторон". То же самое свидетельствовал итальянец Кантарини, побывав на Северном Кавказе в 1476 г. По его словам, "на равнинах Черкесии кочевали многие татары, постоянно грабя черкесов и русских". В 1492 г. Ногайская орда пыталась навязать свою власть пятигорским черкесам, а в 1500 г., судя по источникам, в местность в "пяти горах под Черкесы" откочевала даже часть татар Большой орды. Но наибольшую угрозу для адыгов постепенно стало представлять Крымское ханство и Османская империя, с которыми не раз придется столкнуться адыгам в борьбе за свою независимость.

Падение ордынского владычества и возвращение орд Тамерлана в Среднюю Азию обусловило политическую гегемонию кабардинцев на Центральном Кавказе, а владение обширными землями способствовало резкому сдвигу в сфере социально-экономического и культурного развития, упрочению и дальнейшему развитию феодальных отношений.

Феодальная иерархия в Кабарде была довольно многоступенчатой. По сведениям

Итериано, у черкесов имелись знатные, вассалы, сервы и невольники. Не было объединяющей власти. Шла междоусобная война.

Основным занятием кабардинцев в рассматриваемый период было скотоводство и земледелие. Из земледельческих культур разводили преимущественно ячмень, просо, полбу. Свои потребности в хлебе кабардинцы удовлетворяли полностью.

В отличие от западных адыгов, в хозяйстве кабардинцев преобладающее значение приобрело скотоводство. Причем главное внимание уделяется развитию коневодства, которое достигло высокого уровня. К этому времени большую известность получает кабардинская порода лошадей, формирование которой относят к X веку. Уже к XV–XVI вв. и позднее своими качествами кабардинская порода лошадей стала широко известна за пределами Кавказа. Интериано, наблюдавший жизнь черкесов на протяжении нескольких лет во второй половине XV в., отмечал, что у них нет ничего дороже коня и часто случается, что они "отдают все свое состояние за коня, который им понравится" (4, с.50).

Значительного развития достигло ремесло (оружейное дело, металлообработка, прядение, ткачество), существовавшее в основной в виде домашнего производства.

В силу натурального хозяйства внутреннего обмена почти не было. Как правило, торговали с соседями. Торговля носила меновой характер. В XIII–XV вв. адыги, как западные, так, и восточные (кабардинцы) торговали с генуэзскими торговыми городами на черноморском побережье. Но более тесную связь с ними имели западные адыги. Некоторые из генуэзских городов возникли на территории западных адыгов (132, с.202). Наиболее крупными генуэзскими колониями были Матрега, Копа, Мапа (современная Анапа). Матрега (бывшая Тамарха, Тмутаракань, совр. Тамань) была самым крупным центром для торговли со всей Черкесией. До начала XV в. она находилась под властью черкесского князя Берозоха (Безрука?). В 1419 г. после бракосочетания генуэзца Гизольфи с его дочерью Бихе-анум (Быхэ), Матрега стала как бы поместьем фамилии Гизольфи. Это был хорошо укрепленный порт, через который шли товары в Турцию, Западную Европу, а также на Северный Кавказ. Население его состояло в основном из адыгов, итальянцев и греков.

Второй по важности колонией генуэзцев была Копа, основанная на правом берегу Кубани во владениях черкесского князя Биберда Петрезека (в районе современного города Славянска-на-Кубани). Мапа (Анапа) находилась также в гуще адыгского населения. В определенные дни здесь бывали большие базары, куда адыги привозили свои продукты. Отсюда шел в горы, а затем, через р. Теберду знаменитый генуэзский торговый путь. На

этом длинном пути генуэзцы имели фактории и укрепления. Память о них осталась у многих народов Северного Кавказа (в том числе у кабардинцев и балкарцев) в виде преданий, связанных с "дженуз" или "ференджи", как местное население называло генуэзцев (132, с.203). Генуэзцы торговали итальянским сукном, хлопчатобумажными и бархатными тканями, парчой. Ввозились также венецианское стекло, мыло, соль, пряности, а также сабельные клинки с гербами и тисненными рисунками, пользующиеся большим спросом у местного населения. Генуэзцы вывозили в основном сушеную и вяленую рыбу, меха, хлеб, скот и многое другое. Икра вывозилась бочками весом пять кантаров (61,5 кг).

По уставу колоний, генуэзцы платили адыгским князьям пошлину в виде "подарков владетельным особам" бакасином (ткань из тонкого льна), определенные куски которого заменяли деньги.

Черкесская династия Мамлюков в Египте. В генуэзских архивах XIII в. сохранилось много нотариальных актов, относящихся к работоторговле на Западном Кавказе. Рабы черкесы и черкешенки в возрасте от 10 до 15 лет стоили от 230 до 750 аспров (мелкая серебряная монета). Большинство проданных рабов отправляли в мусульманские страны, преимущественно в Египет, где купленные женщины поступали в гаремы или становились домашней прислугой, а из мужчин комплектовалась воинская гвардия мамлюков, составлявшая главную вооруженную силу султана [см. о мамлюках в разделе «Черкесская диаспора» АЭ]. Египет имел своих постоянных представителей в Кафе (ныне Феодосия) и в генуэзских колониях, и они скупали там невольников. Только в два египетских порта – Александрию и Дамиетту – ежегодно доставлялось до двух тысяч рабов, большую часть которых составляли адыги-черкесы (341).

8.4. Культура и быт адыгов в XIII - XV вв.

Быт, нравы и обычаи. Впервые более подробные известия о быте, нравах и обычаях адыгов в письменных, источниках появляются в XIII–XV вв. Они свидетельствуют, что в это время наряду с углублением процесса феодализации, в адыгском (кабардинском) обществе сохранились и ярко, выраженные черты патриархально-родового быта. Одним из таких пережитков является левират – обычай жениться на вдове умершего брата. Данный обряд, по свидетельствам Интериано, встречался у адыгов еще в середине XV в. Допускалось и многоженство.

По сведениям Интериано, писанных законов не было и основную роль в регулировании общественной жизни играл комплекс народных обычаев, определявших быт, культуру, этику. "Нет у них ни судей, – свидетельствует Интериано, – ни каких-либо писанных законов. Сила или смекалка, либо третейский суд разрешает споры между ними" (4, с.48). У адыгов существовал обычай купать новорожденного в холодной реке. "Новорожденному давали имя того, кто первым из посторонних войдет в дом после родов. И если это грек, латинянин или вообще носит иностранное имя, то всегда прибавляют к этому имени окончание "ук". Например, Петро – Петрук, Пауло – Паулук и т.д." (4, с.47).

Имело распространение также аталычество, по которому родители поручали своих детей воспитывать семье своих подданных. Воспитатели обучали, их верховой езде, владению оружием, традициям и обычаям народа.

Уже Интериано отмечал удивительную щедрость, радушие и гостеприимство адыгов. Он пишет: "вообще у них в обычае гостеприимство и с величайшим радушием принимать всякого. Хозяина и гостя они называют "конак"... По уходу гостя хозяин провожает конака-чужестранца до другого гостеприимного крова, охраняет его, если потребуется, то отдает за него жизнь как самый преданный друг" (4, с.50).

По сообщениям Юлиана (нач. XIII в.) адыгские "мужчины голову бреют совсем, а бороды отращивают с некоторым щегольством, исключая людей знатных, которые в знак благородства оставляют волос над левым ухом, обрив всю голову" (4, с.32). Обычай этот сохранился у адыгов очень долго. Об этом же свидетельствует и Интериано: "Усы носят длиннейшие.... они бреют голову, оставляя на макушке пучок волос, длинный и спутанный, как говорят иные, для того, чтобы было за что ухватить голову, в случае если его отрубят, не марая лица окровавленными руками, оскверненными и загрязненными человекоубийством" (4, с.49).

Сохранилось подробное описание похоронного обряда у адыгов в XV в. Знатного покойника они бальзамировали и затем клали на сооруженный в поле помост. Родственники и посторонние приносили в дар серебряные кубки, луки, стрелы и пр. Жена покойника сидела при этом перед помостом и не плакала, так как это считалось неприличным. По обе стороны стояли два старых родственника покойного, а на помосте сидела девушка и обмахивала его платком, привязанным к стреле. На восьмой день покойника вместе с частью принесенных даров клали в колоду, сделанную из расколотого вдоль и выдолбленного в середине толстого дерева, в потом несли к месту погребения. Над могилой на-

сыпали курган и затем устраивали тризну. Чем знатнее был покойник, тем выше делали насыпь кургана (4, с.51,52).

В описании погребального обряда адыгов, приведенном Интериано, прослеживаются именно те черты, которые известны по раскопкам курганных могильников XIV–XV вв. Но в эпоху раннего средневековья похоронные обряды адыгов были несколько иными. Так, в У-VII вв., как и в древности, существовал обряд погребения в каменных ящиках и в простых грунтовых могилах без курганных насыпей. В VIII-IX вв. появляется курганный обряд погребения, получивший широкое распространение в X-XIII вв. Но по старой традиции причерно-морские и закубанские адыги подкурганные захоронения производили в каменных ящиках и грунтовых могилах. Кроме того, на протяжении V-XV вв. в адыгских могильниках Черноморского побережья (от Туапсе до Анапы) отмечается и обряд трупосожжения, ставший известным в Закубанье (до верховьев Кубани) в VII- XII вв. Появление, этого обряда некоторые ученые связывают с расселением среди адыгов предков родственных им абазин. Обряд же погребения в дубовых колодах и гробах у адыгов появляется в XII-XI вв.

По обряду погребения адыгские курганные могильники XIII – XVI вв, археологи разделяют на три группы: восточно-черноморскую, закубанскую и кабардино-пятигорскую. Причерноморская группа, как правило, не пользовалась деревянными гробами, а хоронила умерших в каменных ящиках или гробницах, причем в одном ящике помещали несколько (4-5) покойников. Иногда под одним курганом обнаруживается до пяти таких гробниц. Имеются и другие различия. Более сходны закубанские и кабардинские курганные могильники, хотя для кабардинских характерно удивительное единство погребального сооружения, обряда и инвентаря на всей территории распространения – от Пятигорья (верховья Кумы и Подкумка) до рек Ассы и Фортанги в Чечено-Ингушетии.

Одежда и искусство. Судья по археологическим материалам в этот период в состав адыгского мужского костюма входило нательное белье, опоясанный кафтан длиной до колени, со стоячим воротником, штаны заправляющиеся в кожаные сапоги с невысоким голенищем или ноговицы с особыми подвязками, чувяки, тубетейка и высокая меховая шапка.

В состав женского костюма входили те же предметы одежды: белье, опоясанный кафтан, халат с откидным у локтя рукавами, шаровары, более изящные сапоги, шуба. Женские головные уборы были остроконечными с макушкой в виде шишака с лунницей

на стержне, иногда с подвесками на цепочках. Делались шапочки из войлока, парчи и расшивались в верхней части шнуром, а иногда верхушка изготовлялась из листового серебра.

Эти данные дополняются и сведениями письменных источников. Так, Интериано сообщает, что верхняя одежда адыгов "делается из валяной шерсти, наподобие церковной мантии, которую они носят открытой с одной стороны так, чтобы правая рука оставалась свободной". Судя по описанию и манере ношения, этот вид одежды в какой-то степени напоминает бурку. Далее Интериано указывает, что "на голове носят шапку из войлока, в виде сахарной головы по форме" (4, с.48). Существовал и специальный военный головной убор, который закрывает щеки и прикрепляется под горлом, по древнему обычаю (4, с.50).

В этот период существовали и другие виды одежды. Об этом свидетельствует каменная статуя – полуфигура молодого мужчины, получившая в народе наименование Дука-Бека. Он изображен в коротком длиной до бедер, прямом стеганом кафтане со стоячим воротником. Талию охватывает широкий пояс. На голове изображена стеганная тюбетейка. Стеганный кафтан или куртка напоминает более поздние бешметы.

Одежда украшалась изделиями мастеров-ювелиров и золотошвейниками. Интериано писал, что только черкесам удается "приобрести в качестве добычи или иным путем золото или серебро, то сейчас же они его тратят на чаши или же на украшения, седла, обычной же всего на украшение оружия (4, с.50). По его словам, знатные черкешенки занимаются исключительно только "вышиванием и украшением кожаных изделий; они расшивают узорами кисеты для огнива и очень красивые кожаные же кушаки" (4, с.51).

Расшитые золотом фрагменты ткани, кожаные кисеты, и колчаны, украшенные сложными аппликациями, обнаружены во время раскопок адыгских курганов XIV-XV вв. близ аула Шенджий в Адыгее, в районе Пятигорска, у сел. Чегем-II и других пунктах Кабарды.

Религиозные верования средневековых адыгов. Археологические материалы и письменные источники свидетельствуют о том, что в эпоху средневековья верования адыгов представляли собой причудливую смесь христианства и язычества; наряду с новыми формами религиозных представлений по-прежнему сохранялись старые, возникшие в глубокой древности: многобожие, всевозможные магические запреты и обряды, почитание "священных мест", культ природы, вера в загробную жизнь, культ предков и домашнего очага.

Адыги поклонялись многочисленным божествам и в их честь совершали в священных местах различные обряды. Общепринятыми божествами у адыгов были: великий бог Тхашхо (Тхьэшхуэ) – создатель Вселенной; бог неба Уашхуо (Уашхьуэ); бог души Псатха (Псатхьэ – от "нсэ" – душа, "тхьэ" – бог); бог плодородия Тхагаледж (Тхьэггэлэдж); бог огня и покровитель кузнецов Тльепш (Льэпш); бог леса и покровитель охотников Мазитха (Мэзытхьэ); покровитель наездников Зекотха (Зеклуэтхьэ); покровитель овец Амыш (Амыш) и др. Особое место отводилось и богу молнии и грома – Шиблэ (Щыблэ). Страх и почитание этого бога адыги выразили в словах: "Если бог Шибле рассердится, то вряд ли Тхашхо найдет себе место, куда бы укрыться". Человек или животное, пораженные молнией, признавались священными. Обряд почитания Шибле сопровождался танцем в его честь-("Щыблэ удж"). Немецкий путешественник И. Шильтбергер (1381–1440 гг.), побывавший в Черкесии писал, что "у них есть обычай – класть убитых молнией в гроб, который потом вешают на высокое дерево. После того приходят соседи, принося с собою кушанья, и напитки, и начинают плясать и веселиться, режут быков и баранов и раздают большую часть мяса бедным. Это они делают в течение трех дней, и повторяют то же самое каждый день, пока трупы совершенно не истлеют, воображая, что человек, пораженный молнией, должен быть святой". В то же время по словам Шильтбергера, адыги считались "христианами, исповедующими греческую веру" (4, с.38).

Как известно, христианство православного толка проникло к адыгам в VI в. из городов Таманского и Керченского полуостровов. Большую роль при этом сыграла Византия, затем Грузия, а в X–XI вв. Тмутараканское русское княжество. В Зихии были учреждены епархии. На рубеже XIII–XIV вв. зихский архиепископ был возведен в ранг митрополита.

Помимо православия, в XIII–XIV вв. активную попытку в распространении католической веры среди народов Северного Кавказа предприняли итальянские (генуэзские и венецианские) миссионеры. Им удалось учредить епископские кафедры не только на землях западных адыгов (две), но и в районе Верхнего Джулата, где в XIII – начале XIV вв. существовали две церкви.

Имеются сведения, что некоторые адыгские князья из-за личных выгод иногда принимали католическую веру. Так, правитель Черко (бывший г. Боспор, ныне Керчь) адыгский князь Миллен (или Верзахт) был католиком, а в 1349 г. адыг Жан де Зики был посвящен папой римским в архиепископы (132, с.235). Но все-таки католицизм не получил широкого распространения, по сравнению с православной верой. Со второй половины XV

века, с захватом Османской империей причерноморских городов, начинается постепенный упадок влияния и православия. К этому времени прекратила свое существование и Зихская кафедра, последнее упоминание которой в документах относится к 1398 г. Тем не менее, европейские путешественники XIV–XV вв. считали адыгов христианами. Однако, не все адыги исповедовали христианскую религию. Христианство в значительной мере сочеталось у них со старыми языческими верами и обрядами. Признавая христианство православного толка своей официальной религией, адыги на самом деле плохо исполняли его предписания. Об этом свидетельствует погребальный обряд адыгов XIII–XVI вв. Сам курганный обряд погребения, наличие в могилах вещей, обсыпка покойника древесным углем и т.д. указывают на значительное место языческих обрядов в религии кабардинцев и других адыгов.

Такое своеобразное сочетание язычества и христианства неоднократно отмечалось и в письменных источниках. Архиепископ Иоанн де Галонифонтибус на рубеже XIV–XV вв. писал, что у адыгов лишь "...некоторые обряды и посты греческие, а все остальное они игнорируют", поскольку "они имеют свои собственные обряды и культы"(132, с.234). Тот же Интериано, который подробно описал языческий обряд погребения адыгов, указывал, что "они исповедуют христианскую религию и имеют священников по греческому обряду. Крещение же принимают лишь по достижении 8 лет... простым окроплением святой водой. Знатные не входят в храм до 60-летнего возраста", а до тех пор проповедь "слушают не иначе, как у дверей церкви и не слезая с коня" (4, с.47).

Несмотря на проникновение ислама, в последующие века христианство (как впрочем и язычество) продолжало еще пережиточно бытовать у адыгов в виде различных обрядов, потерявших первоначальный смысл.

Керефов Б.М.